

Эдуард Браунер
Мозумбская вышивка, 1916

Ивановича Рувиня
Минск, 2013

Грехи болон
и некое

Якуб Брайцев

Среди болот и лесов (сборник)

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9526994
Брайцев, Я. Среди болот и лесов : проза: Регистр; Минск; 2013
ISBN 978-985-6937-68-5*

Аннотация

Роман Якуба Брайцева (1861–1931) «Среди болот и лесов» (1916) литературоведы называют первым белорусским романом, который, между тем, ни разу не издавался. Сданные в набор в типографию его «Невдашечка Анята» (1887) и «Дудолева лоза» (1889) из-за материальных затруднений автора так и не вышли в свет, и архивное наследие Якуба Брайцева, часть которого составляют рукописи романа «Среди болот и лесов», повести «Невдашечка Анята» и рассказа «Дудолева лоза», до сих пор оставалось неизвестным. Этот сборник возвращает имя выдающегося писателя Якуба Брайцева в контекст русскоязычной литературы Беларуси и предоставляет уникальную возможность читателям познакомиться с неизданными до этой поры произведениями нашего соотечественника, а литературоведам – расширить горизонты своих исследований.

Содержание

Якуб Брайцаў	5
Среди болот и лесов	12
Маёвка	13
Каратели	22
Изгой	45
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Якуб Брайцев Среди болот и лесов

© Оформление. ИПА «Регистр», 2013

(1861–1931)

Якуб Брайцаў Вяртанне пісьменніка

Літаратурная спадчына Якуба Брайцава толькі цяпер прыходзіць да чытача, хоць жыві пісьменнік і пісаў свае незвычайныя творы ў XIX – першай чвэрці XX стагоддзя. Ён бы так і застаўся забытым аўтарам адной аповесці «Богачы», выдадзенай яшчэ ў 1889 г., каб не ідэя сына Васіля Якаўлевіча Брайцава¹ выдаць да стагадовага юбілею зборнік бацькавых твораў. Будучы ўпэўненым у прызнанні яго літаратурных заслуг у Беларусі, Васіль Якаўлевіч звярнуўся ў пачатку 1960 г. з лістом да старшыні праўлення Саюза пісьменнікаў БССР П.У. Броўкі², у якім напісаў: «Многуважаемы Петр Устинович! 19-го февраля 1961 г. исполнится 100 лет со дня рождения старейшего писателя Белоруссии Якуба Романовича Брайцева. В литературно-критическом очерке Ф.Н. Доминиковского «Белоруссия в произведениях Я.Р. Брайцева»³ приведены биографические сведения о жизни и деятельности писателя и обзор его основных произведений. Ф.Н. Доминиковский, известный ученый-геолог и литературовед, уделил большое внимание изучению наследия писателя и написал очерк и не успел его напечатать, т. к. внезапно скончался от паралича сердца. Его жена З.П. Доминиковская передала мне рукопись, и я посылаю ее для напечатания в одном из литературных журналов по Вашему усмотрению. Появление в печати очерка, несомненно, привлечет внимание и послужит, возможно, толчком к напечатанию сборника произведений Я.Р. Брайцева. Рукописи хранятся у меня, его младшего сына.

Как в жизни каждого человека прошлое с годами все ярче всплывает, так и у народа далекое становится близким. В литературных произведениях Я.Р. Брайцева даны этюды из прошлого белорусского народа, и сейчас, в пору расцвета его культуры и государственности, будет уместно помянуть писателя добрыми словами. Я надеюсь, что Союз писателей БССР воздаст должное памяти своего старейшего собрата, окажет содействие в напечатании его произведений и сохранит их для будущих поколений».

На гэтым лісце 6 лютага 1960 г. П.У. Броўка зрабіў рэзалюцыю: «А. Кучару.⁴ Прашу вырашыць справу». Але на пасяджэнні прэзідыума праўлення СП БССР пытанне аб стагадовым юбілеі Я. Брайцава і выданні яго твораў не разглядалася⁵. Мяркую, што ліст Васіля Якаўлевіча з прыкладзеным да яго нарысам Ф.М. Дамінікоўскага быў перададзены ў рэдакцыю газеты «Літаратура і мастацтва», дзе тады загадчыкам аддзела пісем працаваў паэт С.П. Шушкевіч⁶. Менавіта С.П. Шушкевіч пад псеўданімам С. Койданаўскі змясціў у «ЛіМе» 17 лютага 1961 г. невялікі юбілейны артыкул пра Я. Брайцава, у канцы якога заўважыў: «Варта, каб спадчынай Якуба Брайцава зацікавіліся нашы літаратуразнаўцы, а Цэнтральны архіў БССР набыў рукапісы пісьменніка і даў магчымасць вывучаць іх нашым вучоным і пісьменнікам». Вядома, што С.П. Шушкевіч сустрэўся з Васілём Якаўлевічам і той падарыў яму фотаздымак бацькі, які быў упершыню апублікаваны ўжо да наступнага, 105-гадовага юбілею пісьменніка ў часопісе «Беларусь» з артыкулам зноў жа С.П. Шушкевіча. Зразумела, што артыкул 1961 г. быў заўважаны і абмеркаваны ў літаратурным архіве, а яго аўтар з ахвотай перадаў матэрыялы, якімі валодаў, для арганізацыі працы па набыцці рукапісаў Я. Брай-

¹ В.Я. Брайцаў (1902–1968), хірург, прафесар, некаторы час з’яўляўся галоўным урачом Крамлёўскай бальніцы.

² П.У. Броўка (1905–1980), народны паэт БССР.

³ Ф.М. Дамінікоўскі (1905–1949). Рукапіс названага нарыса захоўваецца ў БДАМЛМ. Ф. 7. Воп. 1. Адз. зах. 28.

⁴ А.Е. Кучар (1910–1996), крытык, драматург, у 1960 г. з’яўляўся літкансультантам СП БССР.

⁵ Пра гэта сведчаць «Пракаолы пасяджэнняў прэзідыума праўлення СП БССР». БДАМЛМ. Ф. 78. Воп. 1. Адз. зах. 92.

⁶ С.П. Шушкевіч (1908–1991), беларускі паэт, празаік.

цава. У хуткім часе завязалася перапіска літаратурнага архіва з Васілём Якаўлевічам, і ў пачатку мая 1961 г. ён прыехаў у Мінск з добрым пакункам літаратурнай спадчыны свайго бацькі і быў ветліва і ўдзячна прыняты ў калектыве архіўных супрацоўнікаў. З той пары прайшло больш за пяцьдзясят гадоў. Многія літаратуразнаўцы звярталіся да твораў Я. Брайтцава, і ў іх працах зроблены аналіз яго рамана «Среди болот и лесов», а найбольш аповесці «Богачи». Але да выдання зборніка лепшых твораў пісьменніка так і не прыйшлі.

Першым, хто задумаўся над несправядлівасцю пісьменніцкага лёсу Я. Брайтцава, быў выдатны беларускі паэт Алесь Пісьмянкоў. Па праву зямляцкага паклікання⁷ Алесь Уладзіміравіч узяўся за вывучэнне твораў Я. Брайтцава з тым, каб прапанаваць якому-небудзь выдавецтву зборнік і ўрэшце адкрыць для беларускага чытача яшчэ адно імя ў нашай літаратуры. У сваім артыкуле «Забыты Брайтцаў» («ЛіМ». 26.02.1999) А. Пісьмянкоў успамінаў сустрэчу са сваім школьным настаўнікам, выдатным краязнаўцам Аляксандрам Іосіфавічам Нікіценкам і яго скрушныя словы: «Забылі Брайтцава, зусім забылі, а шкада: прыгожы быў чалавек». З гэтым і прыйшоў Алесь Уладзіміравіч у Беларускі дзяржаўны архіў-музей літаратуры і мастацтва – выправіць недахоп памяці, тут знайшоў сваіх аднадумцаў, тут былі зроблены першыя крокі па вяртанні пісьменніка ў літаратурны кантэкст. На вялікі жаль, толькі першыя крокі: 23 красавіка 2004 г. Алесь Уладзіміравіч раптоўна пайшоў з жыцця. Яго ідэю вырашылі не адкладваць. Праца па ўкладанні зборніка была распачата ўжо выключна намаганнямі супрацоўнікаў архіва-музея. Пасля быў доўгі шлях блукання гэтага зборніка па выдавецтвах. Яго выпрабавалі лёс, як не аднойчы выпрабавалі і яго аўтара.

Якуб Раманавіч Брайтцаў нарадзіўся 19 лютага 1861 г. у сяле Забялышын Клімавіцкага павета Магілёўскай губерні⁸ ў сялянскай сям'і. Па ўспамінах сваякоў, бацька быў суровым і працавітым гаспадаром, сваіх дзяцей выхоўваў у бесперапыннай, часам знясільваючай, працы і выключнай дысцыпліне. Сам жа пісьменнік згадваў: «Суровый отец мой не любил шутить делом»⁹. У сям'і выхоўвалася чацвёрта дзяцей: сыны Якуб, Іван, Васіль і дачка Марыя. Усім траім Раманавым сынам, дзякуючы прыродным здольнасцям і выхаванай змалку працавітасці, суджана было атрымаць выдатную адукацыю і стаць вядомымі людзьмі свайго часу: Іван (1870–1947) стаў матэматыкам, доктарам фізіка-матэматычных навук, прафесарам; Васіль (1878–1964) – знакамітым хірургам, вучоным у галіне эксперыментальнай і клінічнай хірургіі, прафесарам, сапраўдным членам Акадэміі медыцынскіх навук СССР. Самым вялікім рамантыкам у сям'і, з юначых гадоў здольным да філасофскага аналізу стану рэчаў, да ўспрыняцця літаратурных твораў так, каб аж не спаць усю ноч ад хвалявання, быў старэйшы сын Якуб. Гэтая акалічнасць не спрыяла трываласці адносінаў з бацькам, які, паўсяму, не падзяляў імкненні сына да спраў, што адбіралі час у непраходзячых гаспадарчых клопатаў. На яго, як на старэйшага, ускладваліся абавязкі і надзеі прадаўжальніка сялянскай гаспадарскай традыцыі, кармільца, і не з прыхамаці бацькі, а па адвечным беларускім звычаі. Ён жа гэты звычай намерыўся парушыць і ў вачах усёй вясковай грамады быў дзіваком і адступнікам. Але колькі такіх маладых вяскоўцаў было ў той час у Беларусі, якія адважыліся ламаць спагонныя законы, адчуваючы сваю наканаванасць быць у літаратуры, музыцы, навуцы.

Якуб Брайтцаў скончыў пачатковую школу ў родным Забялышыне прыблізна ў 1873 г. і паступіў у павятовае вучылішча ў Клімавічах. Менавіта тут ён пазнаёміўся з магутным талентам А. Пушкіна, М. Гогаля, М. Лермантава, М. Някрасава. На ўсё жыццё яму запамніліся прыватныя вечары ў Клімавічах, дзе ён зачаравана слухаў мастацкую дэкламацыю іх твораў і яго ахоплівала неверагодная радасць і хваляванне. Юнак меў вялікую мару «вый-

⁷ А. Пісьмянкоў (1957–2004) ураджэнец в. Іванаўка Касцюковіцкага р-на Магілёўскай вобл.

⁸ Цяпер Хоцімскі р-н Магілёўскай вобл.

⁹ Радкі з аўтабіяграфічнай аповесці «Дудолева лоза».

сці ў людзі»: старанна вучыўся, спасцігаў не толькі літаратуру, але і матэматыку, географію, іншыя навукі. Пасля сканчэння прыблізна ў 1878 г. павятовага вучылішча, будучы на раздарожжы і пакуль яшчэ падпарадкоўваючыся волі бацькі, ён застаецца ў Забялышыне і працуе памочнікам пісара Забялышынскай управы. У хуткім часе адпраўляецца шукаць шчасця на Украіну і ўладкоўваецца канторшчыкам на цукровы завод памешчыка Цярэшчанкі¹⁰. Але праз два гады Я. Брайтцаў вымушаны быў вярнуцца ў сваю вёску «на прызыў» у салдаты. Ад вайскавай службы быў вызвалены як старэйшы сын у сям’і, але і на гаспадарцы заставацца не захачеў. Насуперак бацьку вырашыў ехаць у Маскву. Была ў яго і аднадумца – Праскоўя Кілесева, фельчарка мясцовай бальніцы, нявеста. З ей і адправіўся ў далёкі шлях. На паштовай станцыі Звянчатка (паміж Крычавам і Рослаўлем) маладыя павянчаліся. Іх чакалі выпрабаванні беспрытульнасцю і беднасцю і ўрэшце здабыты цяжкай працай дабрабыт, а пасля вялікае расчараванне дваццаці год маскоўскага жыцця.

У Маскве Якуб Брайтцаў уладкаваўся на працу ў кантору садавода Ф.Ф. Ноева¹¹, дзе адразу паказаў сваю дасведчанасць у вядзенні спраў. У хуткім часе атрымаў пасаду бухгалтара, што гаворыць не толькі аб яго выключных здольнасцях і працавітасці, але і аб імкненні і жаданні набываць усё новыя веды. Наўрад ці мог бы ён атрымаць такую пасаду, каб не пастараўся прайсці адпаведную падрыхтоўку. Нягледзячы на тое, што праца бухгалтара давала яму добрую магчымасць утрымліваць сям’ю, а пасля і арганізаваць выданне кніг, бухгалтарам па натуры ён не быў. Я. Брайтцаў шукаў шлях у літаратуру. Увесь вольны час аддаваў вывучэнню рускай і сусветнай класікі, сістэматычна наведваючы ў Маскве Румянцаўскую бібліятэку. Пад уражаннем твораў рускіх пісьменнікаў піша вялікую аповесць «Богачі», якая выйшла асобным выданнем у друкарні Кушнярова¹² ў 1889 г., адначасова стварае аповесці «Невдашечка Анюта», «Старая деревня», першую з якіх рыхтуе да выхаду ў той жа друкарні Кушнярова. У гэты час сям’я Я. Брайтцава, дзякуючы яго нястомнай працы і выданню «Богачей», жыве ў матэрыяльным дастатку. Якуб Раманавіч нават бярэ на ўтрыманне сваіх малодшых братоў і дапамагае паступіць ім у Маскоўскую гімназію, а пасля і ва ўніверсітэт. Так што «выйшлі ў людзі» яны не без удзелу свайго старэйшага брата. Можна меркаваць, што Я. Брайтцаў, без перабольшання, дзякуючы выданню сваёй таленавітай аповесці, стаў адметнай асобай у маскоўскім літаратурным асяроддзі. Ён знаёміцца з многімі пісьменнікамі, яго майстэрства адзначае Л. Талстой, а пасля не аднойчы прымае Я. Брайтцава ў сваім доме. Геніяльны рускі пісьменнік, як заўважыў Ф. Дамінікоўскі, зрабіў бясспрэчны ўплыў на фарміраванне яго светапогляду і пад уражаннем іх знаёмства Я. Брайтцаў напісаў псіхалагічны эцюд «Иуда».

У 1890-я гады Якуб Раманавіч спасцігае сакрэты адвакацкай практыкі, што дасць яму неблагі заробак, а ў будучым і ўвогуле стане амаль адзінай яго працай. Як вядома, юрыдычнай адукацыі Я. Брайтцаў не меў. Але, відавочна, карыстаючыся існаваннем у той час інстытута прыватных павераных, падаў прашэнне і здаў неабходны экзамен у адным з маскоўскіх судаў, дзе і атрымаў «Свидетельство на хождение по делам». У гэты ж час па прыкладзе Ф.Ф. Ноева, пачынае захапляцца навукай развядзення кветак, вывучае кветкаводства. У яго была даўняя мара адчыніць сваю ўласную краму кветак. Нездзе ў другой палове 1890-х крама была ўладкавана і адчынена. Але, да вялікага расчаравання, прадпрыемства не ўдалося. Магчыма, моцная канкурэнцыя, а таксама літаратурная праца, якую ён не мог спыніць і якая забірала

¹⁰ Вядомы на той час 2 уладальнікі цукровых заводаў у сучаснай Жытомірскай вобл. Фёдар і Мікалай Цярэшчанкі. Фёдар Арцём’евіч Цярэшчанка пабудаваў цукровы завод у 1870 г. у м. Чырвоным. Недалёка ад Чырвонага знаходзіцца Андрушаўка, дзе цукровым заводам валодаў Мікалай Арцём’евіч Цярэшчанка.

¹¹ Ф.Ф. Ноеў, садавод-прамысловец, уладальнік лепшых кветкавыхкрамаў Масквы. У 1883 г. набыў т. зв. Мамонаву дачу, дзе заклаў прамысловае вырошчванне кветак.

¹² І.М. Кушняроў (1827–1896), рускі пісьменнік, выдавец. У 1869 г. заснаваў у Маскве друкарню, якая стала адным з лепшых паліграфічных прадпрыемстваў.

час і сілы, не спрыялі яго бізнесу. У выніку банкруцтва і страта ўсіх грошай, якія збіраліся праз многа год вялікімі намаганнямі. Набраныя ў выдавецтве яго аповесці «Невдашечка Анюта» і «Дудолева лоза», як лагічны зыход апісаных падзей, з-за немагчымасці аплаціць кошты выдання так і не ўбачылі свет. Для Якуба Раманавіча наступілі цяжкія дні. Падрас-талі сыны Дзмітрый, Іван, Георгій, самаму старэйшаму з якіх Дзмітрыю было ўсяго дзесяць гадоў. Да таго ж пад яго апекай заставаўся самы малодшы брат Васіль. Пакінуць іх без сродкаў ён не мог, а пачынаць усё з таго, з чаго пачынаў дваццаць гадоў таму, азначала кінуць сям'ю на паўгалоднае існаванне. І яны разам з жонкай Праскоўяй Сяргееўнай прымаюць рашэнне вярнуцца ў Забялышын на «бацькоўскія парогі». У гэты час памёр бацька Раман Рыгоравіч, маці засталася зусім адна, а гаспадарка патрабавала догляду. Такім вось горкім чынам спраўдзілася бацькава надзея: старэйшы сын усё ж забраў з яго рук «тастамент» на сялянскія клопаты.

Рамантык Якуб Брайцаў марыў не толькі пра росквіт сваёй уласнай гаспадаркі, але і пра вялікую літаратуру, а таму ў хуткім часе і ў Забялышыне літаратурны занятак стаў для яго галоўным. Перажытыя няўдачы ў Маскве не маглі вярнуць да таго сялянскага ўкладу жыцця, якім жыла яго сям'я дваццаць гадоў таму. Ён у большай ступені ўжо быў гараджанінам і сельская гаспадарка давалася яму цяжка. Праз некалькі год ужо можна было гаварыць, калі не пра заняпад, то відавочнае яе адставанне. Да таго ж у хуткім часе сям'ю напаткала вялікае гора: пасля нараджэння чацвёртага сына Васіля памерла жонка Праскоўя Сяргееўна. Гэтая трагедыя моцна паўплывала на далейшае жыццё Я. Брайцава. Застаўшыся ўдаўцом з чатырма малымі сынамі, ён павінен быў дбаць не толькі пра іх матэрыяльнае становішча, але і пра іх выхаванне, адукацыю. Якуб Раманавіч вырашае заняцца адвакацкай працай, тым, што яму найбольш было блізка, што магло даць хоць невялікі матэрыяльны дастатак. Маючы выдатную эрудыцыю, практычны вопыт з маскоўскага адвакацкага мінулага і валодаючы талентам прамоўцы, Якуб Брайцаў у хуткім часе стаў вельмі папулярным у сваёй акрузе. Дзякуючы прыродным здольнасцям да пераконання, вялікай апантанасці ў абароне простага люду, ён выйграваў многія судовыя цяжбы. Пераадолеўшы дэпрэсію пасля банкруцтва, смерці жонкі, стаўшы больш-менш матэрыяльна забяспечаным, Якуб Раманавіч зноў вярнуўся да літаратурнай творчасці. У 1905 г. ён піша камедыю «Беда цыгана», збірае матэрыялы да задуманых аповесцей. 1905–1906 гг. увайшлі ў яго жыццё актыўнай падтрымкай рэвалюцыйных выступленняў, спадзяваннямі на вялікія перамены. Як піша Ф.М. Дамінікоўскі, Я. Брайцаў у 1905 г. перахоўваў нелегальную літаратуру, за што падваргаўся вобшукам і пераследу. У 1910–1911 гг., калі многія забялышынцы ў выніку сталыпінскай аграрнай рэформы вымушаны былі перасяліцца на хутары, Я. Брайцаў таксама не пазбег «умацавання сваёй гаспадаркі». Яму, відавочна, быў вызначаны так званы водруб, бо сваю сядзібу ён не пераносіў, прынамсі такіх звестак не знайшлося. Але пра тое, што ў яго быў хутар пад назвай «Сярэдні», адзначана ў біяграфічных звестках Ф. Дамінікоўскім, як і тое, што сельскай гаспадаркай пісьменніку займацца не выпадала, бо ўвесь час аддаваў судовым справам. Менавіта ў гэты перыяд Я. Брайцаў прыступіў да стварэння рамана «Среди болот и лесов». Ён завяршыў яго ў 1916 г., але да публікацыі справа не дайшла. Патрэбны былі грошы, якіх у Я. Брайцава не было. Ды і не так проста было знайсці выдаўца, які б узяўся друкаваць раман пра экспрапрыятара Аляксандра Савіцкага, вобраз якога Я. Брайцаў бясспрэчна рамантызаваў і ўзвышаў да ролі рэвалюцыянера і змагара за народную справу.

Жыццё Якуба Брайцава ад лютаўскай рэвалюцыі 1917 г. набыло іншы сэнс і змест. Нягледзячы на даволі паважаны ўзрост, ён актыўна ўключаецца ў новую плынь падзей: становіцца сакратаром Забялышынскага валаснога павятовага выканкама, пасля – Клімавіцкага павятовага выканкама, нейкі час займае пасаду павятовага пракурора. Пасля Кастрычніцкай рэвалюцыі працягваў працаваць у Клімавіцкім выканкаме, з'яўляўся членам калегіі Клімавіцкага павятовага аддзела сацыяльнай абароны, членам калегіі зямельнага аддзела,

некаторы час загадваў сельскагаспадарчым складам. У 1923 г. вярнуўся ў Забялышын, дзе займаўся грамадскай працай, быў членам сельскага савета, у 1925–1927 гг. выкладаў курс земляробства ў школе сялянскай моладзі. Незадоўга да вяртання ў родную вёску Якуб Брайцаў перажыў вялікую асабістую трагедыю: у 1920 г. у дваццацівасьмігадовым узросце пайшоў з жыцця сын Іван, у 1922 г. – старэйшы сын Дзмітрый, якому было трыццаць два гады. Гэта моцна падарвала здароўе пісьменніка, пасля чаго ён ужо не мог так актыўна працаваць. Але нягледзячы на слабае здароўе, ён не пакідаў літаратурнай працы. У гэты час ён вяртаецца да свайго рамана «Среди болот и лесов», дапрацоўвае яго і рыхтуе да друку. На захаваным машынапісным тэксце маецца вялікая колькасць аўтарскіх правак і памет. Пра тое, што аўтар рыхтаваў да выдання свой твор менавіта ў гэту пару і ўносіў адпаведныя папраўкі, сведчаць многія радкі рамана. Як вядома, і на гэты раз жадаемае не здзейснілася. Піша ў гэты час Я. Брайцаў аповесць «Хозяин», артыкулы для «Крестьянской газеты», вершы. Як ён жыў, пра што марыў, аб чым клапаціўся апошнія свае гады жыцця ў Забялышыне, вельмі ярка сведчыць яго ліст да сына Васіля ў Маскву, які, атрымаўшы медыцынскую адукацыю, рабіў свае першыя крокі ў практычнай хірургіі. Для найбольш поўнай ілюстрацыі прыводзім гэты ўнікальны біяграфічны і гістарычны дакумент цалкам:

«С. Забелышин 20/IX 28. Дорогие Вася, Лида и Андрюшик! Давно уж я писал Вам. За делами и летнею работою не мог выбрать времени. Да и, вообще, писать было не о чем. Жизнь катилась слишком однообразно.

Уведомляю Вас, что наш Жоржик женился 16 с. м. на т-ле Розмысловой Елене Васильевне. Я доволен. Девушка высоких качеств и хорошая хозяйка. Теперь порядок пошел у нас хороший во всем и, надеюсь, хозяйство наше начнет прогрессировать.

Жоржик совсем было одичал, но сейчас он молодцом и чрез посредство жены – будет хозяином. Самое главное у нас, значит, сделано. Не знаю как у Вас в Москве, а у нас лето было холодное, бурное, урожай очень плохой и у пчел нет меда. На цвет гречихи вылетали мало, т. к. погода была неблагоприятная.

Клеверного сена у нас достаточно, но [«Поднокото»] стравили. Придется судиться. Признали 450 п. сена стравлено. Хлеба мало, но хватит.

На «Сенном болоте» и, в том числе, на [«Поднокото»] уже 2-ой год – идет мелиорация. Огромные каналы (3 магистральных) проведено от д. Теплевки¹³ до Палома. Теперь копаем и делаем дренажи. Опытные посева показали, что болото даст огромные урожаи и хлебов и травы.

В казне забрано (на 90 членов) 2 1/2 тысячи рублей – на каналы и 1 т. руб. на удобрения и семена. Идет раскарчевка осушенной площади. Ждем трактора, который вспашет десятин 50 к будущему посеву. Осушку кончим в следующем году. Для мелиоративных работ – этот год был не благоприятный: заливало водой сверху (ливнями).

Думаю [«Поднокотом»] строить хуторок. Это будет тебе, Вася! Здесь будет на 8 дес. сплошной луг. Я переберусь туда с весны. С помощью кредита на 15 лет (в рассрочку) полагаю все устроить. Не правда ли, надо? Это будет доходный во всех отношениях хутор, т. к. условия очень благоприятные. Коси и продавай сено и баста! Можно завести плодовый питомник и скот. Выкопаем и пруд. Там же великолепная глина для горшечного и кирпичного производства. Впрочем, будущее покажет что делать.

Литературой занимаюсь неослабно. В № № 1, 10 и 11 «Крестьянской газеты» (Редакция Москва, ул. Воздвиженка, 9)¹⁴ помещены мои статьи. Недели 2 тому назад я послал 2 тетради (45 листов писчей бумаги) стихотворений в Союз Всероссийских Крестьянских

¹³ На сучаснай карце Магілёўскай вобл. недалёка ад Забялышына ёсць в. Таклеўка.

¹⁴ «Крестьянская газета», орган ЦК ВКП(б), выходзіла з 25.11.1923 да 28.02.1939, адказны рэдактар С.Б. Урыцкі.

писателей (Тверской бульвар, д. № 25, ком. 1)¹⁵, причем писал им, чтобы Васе 2у(сыну) дали ответ. Если будет время, ты, Вася, зайди и спроси. Я [переписываю] большую повесть из белорусской крестьянско-бедняцкой жизни под названием «Хозяин» и пошлю ее туда же. Союз требовал от меня работы и я обещал. Вот и выполняю «данное слово». Во всяком случае, стихи хорошие и повесть не дурна. Главное, времени у меня свободного мало, пишу по вечерам и ночам. Если не станут печатать, ты, Вася, забирай рукописи. Тогда придется перекочевать в Минск. Там скорее это [дело] в ход пойдет.

Елена Григорьевна писала нам, что бывала у Вас, что Вася, теперь, штатным ординатором, что Андрюша хороший мальчик и т. д. Ты, Вася, если ее увидишь, передай ей мой поклон. Ваших 10 р. я получил, когда был болен. Простудился, да и «прокатался» с месяц на печке! Как живете? Как мой дорогой внук Андрюша? Пусть растет и живет! Может быть, зимою увидимся. Это зависит как пойдут мои дела в нашем Союзе.

Газеты читать приходится редко. С «лучшими» современными писателями не знаком. Тут нет (канец радка неразборлівы).

Пишите нам. Крепко целую Вас всех. Мой привет Ивану Михайловичу с семьей. Будьте здоровы. Ваш Яков Брайцев».

Якуб Брайцаў, як бачым, стаў сябрам папулярнай у той час і адной з самых масавых літаратурных арганізацый, статут якой бясспрэчна падтрымліваў, а таму свае творы накіроўваў непасрэдна на адрас арганізацыі. З ліста зразумела, што творы яго публікаваць не спяшаліся. Успомненая ў лісце аповесць «Хозяин» была, відавочна, ухвалена і перададзена для разгляду ў выдавецтва «Художественная литература», але да выдання справа не дайшла. Аповесць, старанна перапісаная аўтарам для рэдактарскай чыткі, захавалася ў архіве названага выдавецтва і зараз яе арыгінал зберагаецца ў Расійскім дзяржаўным архіве літаратуры і мастацтва. З гэтага рукапісу ў свой час была зроблена фотакопія для фонду Я. Брайцава ў Беларускаму дзяржаўным архіве-музеі літаратуры і мастацтва. А вось два сшыткі з вершамі не захаваліся, і пра яго паэтычную творчасць мы можам меркаваць толькі па адным вершы «Дудка», які разам з іншымі рукапісамі перадаў у БДАМЛІМ яго сын Васіль Брайцаў.

Будуючы асабістыя і літаратурныя планы, Якуб Брайцаў марыў пра тое, што яго творы ўбачаць свет, а яго дзеці не забудуць родны куток і будуць жыць тут, у Забялышыне. А для гэтага намагаўся многа працаваць, каб стварыць адпаведны грунт. Думаю, што ад ідэі будаўніцтва «хутарка» сыны Георгій (у лісце Жоржык) і Васіль Якуба Брайцава адгаварылі. Здароўе яго пагаршалася. 2 сакавіка 1931 г. пісьменнік пайшоў з жыцця, так і не ўбачыўшы публікацый сваіх твораў. Пахавалі яго на Забялышынскіх могілках. І да сёння на магіле захавалася помнік, а аднавяскоўцы шчыра шануюць памяць пра земляка – пісьменніка і «прыгожага чалавека».

Літаратурны талент Я. Брайцава доўгі час ацэньваўся выключна па адной выдадзенай аповесці «Богачи». Тут ужо гаварылася пра яе станоўчую ацэнку Львом Талстым. У 1920 г. аповесць «Багачы» адзначыў у сваёй працы «Гісторыя беларускае літаратуры» М. Гарэцкі¹⁶, а ў 1923 г. пераклаў урывак на беларускую мову і змясціў у «Хрэстаматыі беларускае літаратуры. XI век – 1905 год»¹⁷. У 1922 г. ацэнку аповесці даў Я. Карскі ў сваёй знакамітай працы «Белорусы»: «В конце 80-х годов явилось талантливое произведение Я.Р. Брайцева: «Богачи». Повесть из белорусской простонародной жизни» (М., 1889), обнаруживающее в авторе тонкое знание белорусской деревни со всеми ее отрицательными сторонами. Средства для уврачевания народной жизни не указаны, но они чувствуются читателем,

¹⁵ Пад рознымі назвамі арганізацыя існавала з 1921 г. да 1932 г. Мела свае друкаваныя органы: «Трудовая нива» (1923), «Жернов» (1925–1928).

¹⁶ Максім Гарэцкі. Гісторыя беларускае літаратуры. Вільня, 1920.

¹⁷ Максім Гарэцкі. Хрэстаматыя беларускае літаратуры. XI век – 1905 год. Вільня, 1923. С. 188–190.

это – необходимость распространения просвещения и решительной борьбы с невежеством, безправием и отсталым укладом жизни»¹⁸. У 1960–1970-я гады да аповесці звярталіся ў сваіх даследаваннях літаратуразнаўцы Ю. Пшыркоў, К. Хромчанка і В. Каваленка. Аднак архіўная спадчына пісьменніка, частку якой складаюць рукапісы рамана «Среди болот и лесов», аповесцяў «Дудолёва лоза», «Невдашечка Анюта», «Хозяин», псіхалагічнага эцюда «Иуда», камедыі «Беда цыгана», верша «Дудка», доўгі час заставалася невядомай. У апошняе дзесяцігоддзе да недрукаваных твораў Я. Брайцава звярнулася літаратуразнавец А. Белая. У некаторых яе артыкулах даследуюцца тэмы на прыкладах рамана «Среди болот и лесов».

Зборнік, які прапануецца чытачу, вяртае імя выдатнага пісьменніка Якуба Брайцава ў кантэкст рускамоўнай літаратуры Беларусі і дае магчымасць вучоным пашырыць межы сваіх даследаванняў. Тут публікуюцца яго лепшыя творы. Для больш шчыльнага знаёмства з жыццём і творчай спадчынай пісьменніка запрашаем звярнуцца да фонду № 7 у Беларускаім дзяржаўным архіве-музеі літаратуры і мастацтва.

Г.В. Запартыка

---

¹⁸ Е. Карский. Белорусы. Т. 3. Петроград, 1922. С. 143.

Среди болот и лесов

роман

Маёвка

Наступил конец мая. В Белоруссии в это время стоят теплые, ясные дни; еще нет летнего зноя, а пора изменчивой погоды миновала, и все от мала до велика наслаждаются теплом, солнцем, любят цветы, зеленью трав и хлебов.

По сложившейся традиции, в конце мая отцы города устроили маевку для женской гимназии и реального училища.

В воскресенье утром реалисты явились в училище. Классные наставники подробно объяснили порядок следования к месту маевки и внушали ученикам правила приличного поведения.

Ученики построились перед школой в колонну по четыре в ряд. Учитель гимнастики поставил впереди семиклассников, во главе колонны – барабанщиков и оркестр, который состоял из учеников же и управлялся учителем пения.

Вот подана команда – и под музыку реалисты двинулись по главной улице города. Горожане с любопытством смотрели на эту процессию. Особенно привлекали к себе внимание первоклассники – малыши, шедшие последними, которые старались не отставать и семенили. Во главе каждого класса шел классный наставник. Четкий шаг, форменная одежда реалистов придавали шествию великолепный вид.

Директор и другие лица почтенного возраста уселись в кареты и уехали вперед к месту маевки.

Когда колонна реалистов вытянулась за город и свернула на дорогу в направлении рощи, оркестр заиграл патриотическую песню «Было дело под Полтавой, дело славное, друзья!».

Ученики дружно подхватили слова песни и дали более четкий шаг.

Вслед реалистам, из другой улицы, на ту же дорогу вышла колонна учениц, построенная в том же порядке, но без оркестра. В своих форменных темно-коричневых платьях, черных фартуках, с белыми воротничками и манжетами, с гладкими прическами, гимназистки являли пример скромности и аккуратности. Местом сбора являлся лесистый берег реки в трех верстах от города.

Здесь уже с раннего утра был разбит лагерь. Объемистые самовары дымили парами и пытели. На чистых простынях были разложены закуски, конфеты, печенье и прочие вкусные вещи. В нескольких местах между деревьями виднелись ларьки с сельтерской водой и разноцветными сиропами.

По прибытии к месту маевки ученики распределились по местам, отведенным для каждого класса.

После чая все смешались, начались игры и соревнования. Гимназистки под надзором классных дам играли в горелки, гуляли по лесу, собирали цветы, напевая песни весны. Реалисты играли в лапту, соревновались в беге и прыжках; особенно много смеха вызвал бег в мешках, завязанных у шеи. Бежать в мешке трудно, многие падают и не могут встать; в таком беге остается только прыгать одновременно обеими ногами вперед. Старшеклассники затеяли французскую борьбу. Молодые и сильные реалисты в присутствии гимназисток боролись жестоко и вытоптали траву на площадке до песка.

Победителей тут же награждали плитками шоколада. По окончании игр и соревнований заиграл оркестр, и начались танцы.

Самым любимым танцем, конечно, был вальс. Но большинство реалистов, даже старших классов, не умели танцевать и поэтому многие из них с завистью смотрели на тех своих товарищей, которые, пригласив гимназисток, плавно шли по кругу под звуки вальса.

Особенное внимание обратила на себя одна пара. Сын богатого помещика Шацкий вел дочь предводителя дворянства Ольгу Закалинскую.

Семнадцатилетняя стройная блондинка с длинными косами танцевала изящно и легко. Кавалер, хотя и немного тучный, уверенно вел свою даму, и зрители невольно следили за их плавными движениями. Вальс сменили другие танцы, но Ольга не принимала в них участия. Шацкий не отходил от нее, развлекая разговорами. Прошло еще некоторое время, оркестр умолк, утомленные музыканты попросили сделать перерыв. Солнце уже склонилось к западу. Многие ученики разбрелись по лесу. – После забав и танцев совершенно необходимо прогуляться, – уверял Шацкий Ольгу, с чем она охотно согласилась. Директриса уступила просьбе и разрешила прогулку.

Они пошли по дороге, свернули на лесную тропинку. Но тут навстречу им послышался стук колес. Пара серых лошадей показалась на дороге.

– Ах, вот и наши за мной приехали, – сказала Ольга с ноткой сожаления. Когда экипаж приблизился, они узнали кучера Анисима и старую няню Акинфьевну.

– Ну, голубка моя, – сказала няня, – пора и домой, чай, нагулялась.

– Здравствуй, барин! – сказала она Шацкому, который был принят у Закалинских и няня давно его знала. Анисим тоже приветствовал его, сняв шапку.

– Здравствуй, здравствуй, Акинфьевна! Здравствуй, Анисим! – ответил Шацкий.

– Почему ты одна, няня? Где же мадемуазель? – спросила Ольга. Она имела в виду свою гувернантку, старую деву.

– У них головка разболелась и они не могли, – ответила няня. Ольга, зная частые мигрени у гувернантки, не обеспокоилась этим сообщением.

– Ну, как, Анисим, поживаешь? – обратился Шацкий к кучеру. Такой вопрос был обычной формой разговора молодого барчука со стариком-кучером или другим слугою.

– Ничаво! Как всегда, – ответил Анисим. – Коли ласка ваша, барин, подвезу, – добавил он.

– Анисим, – сказала Ольга, – поставь лошадей, пусть они отдохнут, а мы скоро вернемся. Няня, идем с нами! Акинфьевна вылезла из экипажа. Анисим отъехал в сторону и завернул лошадей.

– Стара уж я, моя детка, гулять-то, – сокрушенно сказала Акинфьевна; но и ей, видимо, хотелось пройтись в такую пору и в таком чудесном лесу.

– Разве недалеко, а то барин велели быть к чаю, – сказала она как бы в свое оправдание.

Акинфьевна души не чаяла в Ольге, она вырастила ее и, как выражалась, вынянчила своими руками.

Мать Ольги умерла давно, когда дочери было всего три года. С тех пор неотлучной была Акинфьевна в жизни Ольги. Ольга любила и уважала няню за ее ум и преданность. Закалинский, отец Ольги, уважал и ценил ее.

Порядочно поотстав от молодых людей, опираясь на посох, няня с нежностью следила за своей воспитанницей. Она шла на почтительном расстоянии, чтобы не мешать беседе и не стеснять их своим присутствием.

Шацкий болтал о том о сем, Ольга делала вид, что все это интересно, спрашивала, как он думает проводить лето.

Кавалер с увлечением рассказывал о предстоящей охоте с легавой собакой, затем перешел на лошадей, хвалил угодыя своего имения, свои ружья и говорил о прочих развлечениях.

Они шли по лесной дорожке, ведущей к краю леса. Справа росли кусты орешника, молодые березки, а между ними возвышались столетние сосны. Слева в просветах между старыми соснами виднелись луга за речкой, а за ними вдали, в большом парке, – усадьба князя Мещерского.

Речка протекала под обрывом и не была видна, но оттуда доносились плеск и шум купальщиков.

Большинство гуляющих направлялись к реке, но Шацкий, увлекшись разговорами, повел свою спутницу в другом направлении. Вскоре они уже не видели вокруг себя никого из участников маевки.

Акинфьевна хотела окликнуть их и понудить возвратиться. В это время слева послышались звуки гитары и сильный мелодичный голос запел приятным баритоном:

– Дитя, не тянися весною за розой, розу и летом сорвешь... Захочешь ты летом фиалку сорвать, а фиалок уж нету давно...

Обернувшись в сторону певца, они увидели в некотором отдалении реалиста, который шел один в противоположную сторону.

– Кто это? – спросила Ольга.

– А, это Савицкий, мой одноклассник...

– Ах, как хорошо он поет, – сказала Ольга, сама музыкальная по натуре и обладательница недурного голоса. – Откуда он?

– Из какого-то села нашего уезда, сын сиделицы, странный человек, – ответил Шацкий.

– Почему странный? – с любопытством спросила Ольга.

– Замкнут, держится особняком, способный ученик, но занимается отвлеченными предметами, – ответил Шацкий. Ольга еще раз обернулась и видела, как реалист повернул в сторону тропинки, по которой они прошли; по-видимому, он не видел их.

– Не пора ли и нам возвратиться? – заметила Ольга. Но тут произошло нечто непредвиденное. Справа из-за кустов орешника, шагах в тридцати от них, вышли трое неизвестных. По внешнему облику этих людей было ясно, что встреча с ними не сулит ничего хорошего. В пригородах жили мелкие ремесленники, подмастерья, торговцы и нередко лица без определенных занятий. Неудивительно, что в воскресенье по лесу бродили пьяные подозрительные люди. Эти трое изрядно подгуляли, что легко было узнать по их неуверенной походке, излишним движениям рук и лихо сдвинутым на затылок фуражкам. Один из них – верзила огромного роста – держал дубинку в правой руке. Увидев реалиста с гимназисткой, он пришел в беспричинную ярость и заорал:

– А, барчуки! – и изрыгнул ругательства. – Бей их! – крикнул он свирепым голосом и бегом направился в их сторону.

За ним последовали двое других.

Ольга в ужасе закрыла лицо руками, вскрикнула. Шацкий побледнел, растерянно взглянул на спутницу и бросился бежать по дороге к лагерю, промчавшись мимо Акинфьевны.

Ольга, опомнившись, добежала до няни, прижалась к ней в поисках защиты, но старушка и сама была перепугана не на шутку. Трудно предполагать, что стало бы с женщинами, но тут в свою очередь произошло неожиданное явление. Когда разъяренный великан был от них в десяти шагах, на его пути появился реалист с гитарой.

Ольга узнала в нем того юношу, которого Шацкий назвал Савицким.

Не успел верзила занести дубинку, как реалист взмахнул правой рукой, причем в ней что-то блеснуло, и нанес ему удар в голову. Дико взыв, тот повалился наземь. Второй нападающий бросился с ножом на реалиста. Последний, ловко подставив ему ножку, наотмашь ударил противника по затылку; даже не вскрикнув, человек упал и недвижимо остался лежать на лесной тропинке. Третий, видя участь своих товарищей и сообразив, что с этим реалистом шутки плохи, круто свернул в сторону и исчез между деревьями.

Савицкий (а это был действительно он) спокойно сунул руку в карман, вынул ее уже свободной от какого-то предмета и не спеша приблизился к обезумевшим от страха женщинам.

С неопишуемым удивлением смотрели они на русоволосого юношу. Светло-серые глаза его смотрели спокойно, смело и властно. Худощавое, подвижное, выразительное лицо и весь облик реалиста говорили о сильной воле и мужестве характера юноши. Не обращая внимания на искалеченного верзилу, который ползал на четвереньках, а также на другого, безуспешно старавшегося встать, Савицкий, приподнимая фуражку, поклонился:

– Имею честь представиться – Александр Савицкий!

– Спасибо, спасибо вам! – лепетала Ольга... Акинфьевна, оправившись от страха, наконец заговорила:

– Сокол ты мой ясный! Да откуда ты налетел? Ангел-спаситель ты наш... Сколько лет живу на свете, а такого не видала и не слыхала... Дай бог тебе счастья, родимый мой!

– Позвольте быть вашим рыцарем, прекрасная Дульцинея, и проводить вас до экипажа... – с улыбкой обратился Савицкий к Ольге и подал правую руку. Ольга доверчиво приняла предложение, и они не спеша пошли к лагерю.

– Почему вы знаете, господин Савицкий, что меня ждет экипаж? – спросила с любопытством девушка.

– Я бродил по лесу и случайно видел, как приехала ваша карета, – ответил юноша.

– Подумать только, один троих здоровенных мужиков порешил! Знать, руки у тебя золотые, витязь ты наш ясноокий! – восклицала, качая головой, Акинфьевна. – Ах, поганцы! То-то вы орали, когда за детьми гнались, а теперь и дух у вас перехватило, – не унималась она. Ольга, вспомнив Шацкого, невольно улыбнулась.

– Скажите, что было в вашей руке? – спросила она и пристально посмотрела в лицо своего нового кавалера.

– А, это кистень! Серьезное оружие, скажу я вам, в умелых руках.

– Я в этом воочию убедилась!

– Прошу вас, извините, не знаю, как вас называть!

– Зовите Олей!

– Очень прошу вас, Оля, никому не говорить об этом моем оружии, – серьезно сказал Савицкий.

Их разговор был прерван, так как навстречу уже бежали толпы учеников и испуганные учителя.

Шацкий, издали увидев Ольгу, идущую под руку с Савицким, поспешил ретироваться. На вопросы встречных отвечала больше Акинфьевна.

Савицкий, нехотя, ответил двум-трем учителям, и то весьма кратко, на расспросы о случившемся на лесной тропинке. Он чувствовал, что спутница не намерена оставить его руку, и довел ее до экипажа.

Анисим с удивлением смотрел на незнакомого реалиста.

«Пошли с одним, а вернулись с другим», – подумал он. – А где же барин? – обратился он с вопросом к Акинфьевне.

– Убег твой барин! – отвечала с иронией Акинфьевна, садясь в экипаж вслед за Ольгой. Ничего не поняв, Анисим подобрал вожжи.

– Господин Савицкий, мы будем рады, если вам будет угодно поехать с нами, – обратилась Ольга к Савицкому.

– Благодарю, если только я не стесню вас.

– О нет! Вы нас не стесните, экипаж просторный. Садитесь, пожалуйста! – с ласковой улыбкой приглашала Ольга, указывая ему на место рядом с собой. Савицкий обошел экипаж и сел по правую сторону.

Экипаж покатило. Застоявшиеся лошади резвой рысью вскоре вынесли их из леса в поле. Молодые люди беседовали между собою; Акинфьевна, устало прислонившись к

спинке сиденья, внимательно разглядывала реалиста. «Какой молодец! И хорош собою, и умен, и такой обходительный!» – думала она про себя.

– Я слышала ваш голос! Вы недурно поете и играете на гитаре, – сказала Ольга, первой начав беседу.

– Да, развлекаюсь иногда от скуки, – отвечал Савицкий. – Но вряд ли я могу соперничать с вами. Шацкий как-то говорил мне о ваших дарованиях. Я готов вам аккомпанировать, – предложил Савицкий. – Хотите, например... – и он начал перебирать струны: «Однозвучно звенит колокольчик, и дорога пылится слегка...»

Смущенная Ольга покраснела и не решалась начать песню. Савицкий начал первым, она невольно стала вторить ему. Баритон Савицкого сначала заглушал колоратурное сопрано Ольги, но затем голос ее окреп и на высоких нотах звучал сильнее, завершая аккорды. Созвучие голосов молодых людей было на диво совершенным.

Анисим удивленно обернулся и даже раскрыл рот от удовольствия.

Акинфьева не менее наслаждалась звуками чудесной народной песни, в ее старческих глазах появились слезы, она блаженно улыбалась, утирая глаза.

Солнце стояло над лесом; косые лучи его золотили стволы и верхушки могучих сосен. На опушке лежали уже длинные тени. Дорога вилась между зелеными хлебами и слегка пылилась под копытами лошадей.

В полях пели перепела, кричали дергачи, жаворонки заливались в вышине и, при приближении паривших над полями коршунов, стремительно снижались, падая в гущу спасительной зелени. Надо всем этим стояло безоблачное небо и пьянящий весенними запахами прозрачный воздух.

Сама природа, казалось, благословляла мечты и юность певцов. Начались пригороды. На одной из немощеных улиц Савицкий попросил остановиться.

– Я уже приехал, – сказал он тоном сожаления.

– Вы здесь квартируете? – спросила Ольга с оттенком удивления; но, вспомнив, что Савицкий – сын бедной сиделицы, не дожидаясь ответа, сочувственно прибавила: – Вам так далеко до училища!

– Я доволен, для меня это – только приятная прогулка, – ответил Савицкий, выходя из кареты. – Желаю здравствовать! – сказал он, приподнимая фуражку.

Ольга подала ему руку, он пожал ее энергичным движением и еще раз поклонился.

Они не знали, что еще сказать друг другу.

Нелепый случай познакомил их, и, казалось, им следовало сказать, где и когда они встретятся еще.

Но экипаж тронулся, и... Савицкий остался посреди улицы. Вот на повороте Ольга обернулась, приветливо помахала ему ручкой. Он приподнял фуражку, карета скрылась за поворотом, Савицкий задумчиво продолжал глядеть вослед. Наконец он увидел «Фею весны», образ своей лирической поэмы. Он вспомнил ее сейчас и, наигрывая вальс «Весенние грезы», направился к невзрачному домику, где была его квартира.

Савицкий рано узнал все невзгоды, тягости и лишения жизни. Отец его, мелкий чиновник, умер, оставив жену с двумя маленькими сыновьями без всяких средств. Мать после долгих хлопот получила место сиделицы в казенной винной лавке в одном из сел недалеко от города. Братья росли безнадзорно, и мать едва могла дать им образование на свой скудный заработок. Старший, Александр, умный, развитой и одаренный от природы, имел характер вспыльчивый и непокорный до дерзости. Когда он поступил в местное реальное училище, особенности его натуры доставили много хлопот педагогам и начальству. Его властное стремление верховодить, проявлять инициативу в шалостях и проказах сделало его вожаком учеников младших классов училища. Начальство относилось к нему недоброжелательно, и только мольбы матери спасали сына от неоднократных попыток исключить его из учи-

лица. Савицкий не мирился со школьной дисциплиной, рутинной и зубрежкой; он ненавидел систему воспитания в реальном училище. Но среди учеников он с первых лет заслужил уважение и любовь. Благородные черты его характера проявлялись в поступках и отношениях с учениками. Он никому не спускал и не прощал обиды, оскорблений, несправедливости. Замечательная память, блестящие способности выделяли его среди всех сверстников. Он начал рано и много читать. Любимыми книгами его были приключенческие романы Майн Рида, Густава Эмара, Фенимора Купера и др.

В летнее время он увлекался охотой, ловил рыбу, собирал гербарий, коллекции бабочек, насекомых. Кипучая натура его искала постоянной деятельности, стремилась познать явления жизни и окружающей природы.

В нем рано проявился и еще один талант: талант артиста, художника-исполнителя, певца и музыканта. Он умел гримироваться, как никто другой, неподражаемо, как истинный художник, изображал лица и события современности и даже далекого исторического прошлого.

При чтении стихов, драмы или комедии он принимал надлежащую позу, менял мимикой лицо до неузнаваемости, талантливо передавая произведение и творчески освещая его художественное содержание. Подвижное, нервное лицо его в такие моменты отражало мысли и чувства души, а глаза сияли вдохновением, как у подлинного артиста. Его выступления в училище и любительских кружках города имели огромный успех.

Обладал он и поэтическим даром. Его стихи вызывали восторг среди учеников и учителей. Однажды он написал поэму «Фея весны». Сам учитель русского языка и словесности похвалил его; но инспектор, отметив талантливость автора, настоятельно посоветовал поэту оставить глупости и бумагомарание и лучше учиться и примерно вести себя.

Савицкий остро воспринял это грубое и несправедливое отношение к своему творчеству: начал писать сатиры и памфлеты. Его карикатуры на начальство и прозвища некоторых педагогов были прямо-таки гениальны; они настолько запоминались, что становились нарицательными и переходили из года в год на долгое время в поколения учеников.

В старших классах Савицкий стал серьезным и сдержанным; его детская шаловливость и легкомыслие бесследно прошли. Беспокойная страсть к приключениям уступила место глубокой созерцательности и серьезному изучению публицистики. Он познакомился с подпольной литературой, изучал разные революционные течения, пристально следил за событиями в общественной жизни во время начавшейся войны с Японией.

Летом в уездный городок наезжали студенты, рабочие с фабрик и заводов, и от них он узнавал, какими идеями, стремлениями и надеждами живет передовое русское общество. Перед ним рисовались уже планы недалекого будущего, когда, окончив училище, он поедет в северную столицу, где жажда знаний может быть утолена, где идейная революционная жизнь бьет ключом. Его привлекала жизнь, полная умственного напряжения и творчества. В глубине его светло-серых глаз неугасимо светились искры неукротимой воли и жажда свободы. Вот с каким юношей, которому исполнилось всего лишь 18 лет, столкнула судьба семнадцатилетнюю Ольгу, не знавшую горестей и нужды. В обстановке барского дома она росла и расцветала как вешний цвет; ее душа не ведала тревог и нравственных страданий. От матери Ольга унаследовала добрый нрав, от отца – спокойный, волевой характер. Природный ум и скромность при блестящем воспитании завершали ее чудный облик; она привлекала к себе восхищенные взоры всех, кто видел ее случайно, или кому пришлось вести с ней беседу. Она много читала, серьезно изучала русскую классическую литературу, особенно Пушкина и Лермонтова, успешно занималась пением и музыкой. Ей нередко приходилось проводить зимние каникулы в Москве у своей тетушки по отцу, где она хорошо познакомилась с театром, музеями и другими сокровищницами русского искусства.

Отец не чаял в ней души, делал все, чтобы дать дочери знания, развить ее природные дарования; но вместе с тем он был и строг с нею, требовал беспрекословного послушания своей воле.

Образ Ольги поразил и покорила мятежную натуру Савицкого. Он почувствовал душою артиста, как прекрасен этот образ русской красавицы. Первая встреча сблизила их неожиданным образом. Он всегда был замкнут, она жила затворницей. И вот судьба свела их, юных, прекрасных, одаренных возвышенными светлыми мечтами.

Несмотря на противоположность положения в обществе, они оба были близки друг к другу по сходству их юношеских влечений к искусству, ко всему разумному и радостному в жизни, что свойственно от природы каждому юноше и девушке с цельной душой и здоровой натурой.

На следующий день, по окончании уроков, швейцар вручил Савицкому пакет: Закалинский приглашал его на обед, желая лично выразить ему свою признательность. Савицкий взял извозчика, заехал домой; по возможности приодевшись, он прибыл к дому предводителя дворянства в точно назначенное время.

Швейцар в ливрее открыл ему дверь и, низко поклонившись, с доброй улыбкой сказал:

– Пожалуйста, пожалуйста, господин Савицкий! На лестнице его встретил лакей и, расшаркиваясь, пропустил в дверь гостиной. Сам Закалинский, невысокий, красивый старик с русским лицом и окладистой бородой, поднялся навстречу и, подав руку, искренне благодарил юношу:

– Я не могу выразить вам, молодой человек, всей своей отцовской благодарности! Вы поступили благородно и, пренебрегая опасностью, спасли мою дочь... Я рад, весьма рад видеть вас в моем доме и благодарить!

На белом лице Ольги играл румянец; потупив очи, она протянула ему руку. Савицкий ощутил ее легкий трепет и осторожно пожал.

Гувернантка, Акинфьева и другие слуги с нескрываемым восторгом смотрели на героя дня. Савицкий не знал, что ему отвечать; его смущение еще более возбудило симпатии всех присутствующих.

– Прошу, господин Савицкий, к столу! – пригласил Закалинский, и все направилась в столовую. За обедом предводитель расспрашивал Савицкого о его успехах в науках и, по мере того как последний отвечал, хвалил за серьезное отношение к учению; попутно и весьма осторожно осведомлялся о бытовых условиях, деликатно предложил в трудные минуты обращаться к нему лично за помощью без всякого стеснения. Савицкий благодарил и не менее деликатно отказался от предложенной помощи.

– Не поймите меня, молодой человек, – сказал Закалинский, – что я предлагаю вам только материальную помощь... Нет! Но бывают ведь трудные обстоятельства и другого свойства! И вообще, мы у вас в долгу, поэтому будем отныне знакомы и, если угодно, друзьями.

– Да, да! Мы будем всегда рады видеть вас у нас! – с живостью встала Ольга.

– Конечно, конечно... Вы у нас теперь свой человек, господин Савицкий! – подтвердил отец. – В скором времени будет день рождения Оленьки, и мы непременно ждем вас!

Савицкий, приподнявшись, поклонился и благодарил за столь лестное внимание. Обед прошел в оживленной беседе. Савицкий с его умом, начитанностью и тактом расположил к себе требовательного к людям Закалинского.

После обеда хозяин дома, извинившись, пошел отдыхать. Молодые люди продолжали непринужденно беседовать. Ольга осведомилась, играет ли он на рояле. Савицкий с сожалением должен был ответить, что ему лишь в малой мере пришлось играть на рояле.

В селе, где живет его мать, у священника есть старое фортепьяно; бывая у его сына, своего товарища, он научился исполнять несложные вещи. Но ноты он знает и может петь под аккомпанемент.

Ольга не предложила, а Савицкий, понимая, что нельзя нарушать послеобеденный покой хозяина дома, не просил ее сыграть на рояле.

Незаметно пролетел час, другой, и Савицкий отклонялся. Ольга проводила его и еще раз просила не забывать их дом.

– Благодарю вас, Оля! Если ничего не случится со мною, я всегда с великой радостью приду к вам! – сказал он, пожимая ее нежную руку.

Когда Савицкий шел по улице, душа его была полна образом девушки, взволновавшей самые сокровенные чувства его впечатлительной и сдержанной натуры.

В один из ближайших дней после визита Савицкого предводитель встретил директора реального училища. Директор уже знал о поступке Савицкого на маевке, но, отметив благородство его, добавил:

– Я должен предупредить вас, ваше превосходительство, что Савицкий – весьма опасный человек. Есть все основания полагать, что он не только читает запрещенную литературу, но и ведет революционную пропаганду, причем самого крайнего толка! На днях у меня был исправник. Он убедил меня в этом. Савицкий находится под неотступным надзором полиции, и чем это все кончится, не могу даже себе представить!

– Господин директор! Необходимо было с вашей стороны оказать влияние и образумить юношу; он произвел на меня самое лучшее впечатление! – отвечал озадаченный предводитель.

– Представьте себе! Я беседовал с ним неоднократно, но убедился в бесполезности усилий, – оправдывался директор. – Он умен, имеет обширные познания, но, к сожалению, упрям и скрытен, его невозможно переубедить. Он озлоблен против существующего строя, помещиков и дворян. Я думаю, что весьма скоро он будет репрессирован полицией. Сейчас необходимо быть особенно настороженными к проявлению революционных настроений среди молодежи. Война с Японией приносит неудачу за неудачей, и, если дело кончится поражением наших войск, – неизбежны потрясения основ общества... Поэтому, ваше превосходительство, будьте осторожны с Савицким и не вводите его в свой дом! – посоветовал директор.

После этого разговора Савицкий не получил приглашения в день рождения Ольги.

Когда она напомнила отцу о приглашении Савицкого, то получила решительный отказ без всяких объяснений. Ольга была весьма огорчена, но не решилась перечить родителю. В конце июня закончились экзамены. Ольга уехала на каникулы к своей родной тетушке, сестре покойной матери, которая жила в своем имении в соседней губернии. В середине августа ученики съехались к началу занятий, возвратились Ольга и Савицкий, но встретиться им больше не пришлось. Спустя месяц после начала учения отец сообщил Ольге печальную весть:

– Представь себе, Оля, этот Савицкий натворил невероятных, прямо ужасных дел!

– Что такое? – тревожно спросила дочь.

– Директор еще ранее предупреждал меня, что Савицкий – бунтарь и полиция следит за ним. Вчера у него на квартире произвели обыск и нашли запрещенные книжки, нелегальную литературу, какие-то прокламации. Сегодня Савицкий исчез. Полиции не удалось его арестовать... С ним исчезли и другие подозрительные лица... Я ожидаю больших неприятностей в уезде! – сокрушенно говорил предводитель.

В скором времени Ольга узнала от отца, что в уезде стало неспокойно.

– Поступают сведения, – сообщил он, – о действиях Савицкого; с шайкой таких же преступников он нападает на имения, устраивает аграрные беспорядки и возбуждает неве-

жественных крестьян против помещиков; появились случаи убийства полицейских чинов. Все усилия изловить его до сих пор безуспешны... Он совершенно неуловим! Говорят, приобрел маузер и наводит ужас на всех... Ах! Какое непредвиденное несчастье свалилось на мой уезд! Я страшно обеспокоен всем этим! Что скажут в губернии?

Ольга с нескрываемым огорчением слушала эти речи и все дни и ночи думала о Савицком.

– Неужели все это правда? Что толкнуло его на путь преступлений?

Как ей хотелось встретить его, убедить, но ведь теперь произошло непоправимое! Он преступник, и нет уже возможности вернуть его в общество.

В один из ясных дней она прогуливалась в своем саду, примыкавшем к дому. Деревья уже обнажились, желтый лист покрывал дорожки сада; осенняя пора навевала печальные думы, заставляла сожалеть о погибших мечтах, усугубляла грустные обстоятельства разлуки с юношей, впервые взволновавшим ее девичий покой. С учебником в руках Ольга старалась забыть, вчитываясь в предмет. Вдруг перед ней упал конверт. Кто-то, очевидно, перебрал его через забор. Она осмотрелась, но ничего не увидела и не услышала. Высокий забор надежно прикрывал сад.

Она с волнением подняла письмо. К уголку конверта был прикреплен кусочек свинца; распечатав его, она прочла записку:

«Ольга Николаевна! Не осуждайте меня. Я не преступник, а революционер. Что побудило меня окончательно стать на путь вооруженной борьбы? Вслед за мной исключили из училища моего младшего брата, уволили со службы мою старушку-мать. Теперь они остались без всяких средств к существованию. Моя жизнь разбита и обездолена, меня выбросили вон из последнего класса. Ну что же! Я поднимаю перчатку! Попомнят же и узнают Савицкого. Но не ради только личной мести я вступаю на путь беспощадной борьбы с социальной несправедливостью. Может быть, придет время, и Вы поймете меня. Жизнь не так прекрасна, как может Вам казаться. Трудовой народ стонет под игмом царизма и его приспешников. Он темен, забит нуждой и горем. Передовая интеллигенция беспощадно преследуется за свои убеждения. В позорной войне гибнут лучшие сыны родины. Я не могу вернуть прошлое, и если о чем сожалею, то только о разлуке с Вами... Я не хочу смущать Ваш покой, я не жду ничего и не надеюсь ни на что. Мои чувства к Вам чисты и бескорыстны.

Если мне суждено погибнуть, я унесу с собой воспоминание о нашей встрече, как самое дорогое и неповторимое в моей печальной судьбе. Простите, ради бога, если я огорчил Вас. Александр Савицкий».

Впервые читала Ольга такое письмо, впервые она почувствовала, как глубоко тронули ее слова признания и печальное содержание его. Разнообразные чувства смешались в душе.

– О какой социальной несправедливости он говорит? Что это такое? Разве она и ее отец плохо относятся к окружающим людям?

Она ни в чем не могла упрекнуть себя и отца. Разве люди создали бедных и богатых? Сам Бог создал вселенную и устроил жизнь людей. Каждый может добиться трудом и умом себе богатства и счастья. Нет, он не прав!

Вложив письмо в книгу, Ольга направилась к дому. С тех пор много раз украдкой читала она письмо Савицкого, стремясь вникнуть в смысл его содержания. Образ загадочного и необыкновенного юноши преследовал и тревожил ее.

Каратели

Пришли Коляды и наступил 1906 год. По обычаям старины у нас, в Белоруссии, всех Коляд две недели с 25/ХІІ по 7/І. В эти дни варится кутья – гречневая каша и ставится на кут. Если каша крутая и горшок полный, то будет год хлебородный, а если кутья неполная, то и год будет неурожайный. Не у всех хозяев крупы хороши, не все хозяйки умеют варить кутью, но еще хуже тем, у кого и крупы-то нет; беднякам остается смотреть на звездное небо и гадать: если много звезд на небе в эти дни, то много будет ягод и грибов на будущее лето, а если веет вьюга, то и этой надежды не остается бедняку. Когда собираются вечерять, хозяин приговаривает:

«Мороз, мороз! Красный нос! Ходи кутью есть, а в летку не приходи – будем пугой хлестать, по гречихе не волочися и ячменя не морозь!»

Однообразна жизнь в деревне зимой. Короткий день занимают мелкие дела и заботы. С утра истопит мать печку, даст поснедать; дочка помогает ей во всем: сходит за водой, замешает корм скоту; хозяин идет с резвинами в пуню за сеном или соломой лошадке и коровенке, затем запрягает конюшка, съездит в лес за дровами, туда-сюда, глядишь – и день кончился! Вечером при лучине собираются девушки на посиделки, прядут на самопряхках и поют песни:

Ах, колядочки,
Приходите к нам.
Нам Филипповка Надокучила,
А мы рады вам!
Ой, нам жамера¹⁹
Зубы проела!
А в колядочки
Блины-ладочки,
Ай, колядные,
Блины ладные,
А Микольские —
Не таковские.
Ой, люли-люли,
Блины-ладочки!

Гуторят девушки между собой о том, что скоро придет Бахарька, как веселились в это время летось, как то будет в этом году?

– Моя ты таичка, – шепчет черноокая Ганна подружке, – як я зажурилась по Опанасу, скорей бы звернувся с шахт!

– А мой Петрок писав своему батьке, што скоро придет; на шахтах, пишет, забастовки! – таинственно поверяет ей голубоглазая Параска.

– И правда? Коли ей писав? Они ж там вместе, можа вместе и звернутя? – с надеждой спрашивает Ганна.

– Вот истинно кажу! – уверяет Параска.

– Только бы дожждаться коляд, а там Бахарька придет и свадьбу отгуляем, – мечтают подружки.

---

¹⁹ Конопля толченая.

Наконец миновала скучная пора Филипповок, пришли дни счастливых встреч, наступило время и Бахарьку справлять.

В деревне Дударевке, в просторной хате вдовы Лявонихи, когда повечерело, собрались парни. Среди них Яким Коченок – знатный скрипач, брат его Пилип – цимбалист, Потап Меньков – дудошник и песенник, Трофим Ключев, или просто Трошка, с бубном. Немного погодя на улице раздались девичьи голоса:

– Ай, колядочки,
Ни старенькие,
Вы на дуб, на дуб:
Ни маленькие,
Нашим девочкам
Ой, только любви.
Вже никто не люб:
Молоденькие!..

Веселая и шумная гурьба девчат наполнила хату. Парни уселись на лавки, девушки толпились у полатей. Смех и веселые шутки раздавались то тут, то там. Тем временем музыканты настраивали свои инструменты. Но вот цимбалист прошелся «крюками» по струнам, скрипка подхватила, бубен зазвенел и оркестр «вдарил» плясовую. Заходило все ходуном: и стол, и слонцы, задрезжали шибки в окнах, – Егор Максимкин с Аленой Ивендиковой пустились в круг. Вот они сходятся, не уступая друг другу; Егор наступает, Алена, круто повернувшись, обходит его слева, но кавалер тут же загораживает ей путь:

– А каб тябе да Пярун да забив,
Як я тябе молодую любив!

– поет юноша, тесня девушку.

– А каб тябе да молонья спалила,
Як я тябе молодого полюбила!

– отвечает ему чернобровая красавица, ловко увертываясь вправо и обходя парня, под веселый смех зрителей. Два каганца тускло освещали хату. Хозяйка сидела на печи вместе с дробными детками и любовалась веселым сборищем. За казацком следовала полька, за нею кадрили, потом лентий. Когда танцы все «перескакались», подошло время и Бахарьку женить. Во дворе пропели певни.

– Выбирать «батьку» и «матку», – подал голос Микола Хоменок.

– Потапа, Потапа в батьки! Он знает песни, – наперебой зашебетали девушки.

– Лявонику в матки, – прогудел Якуб Пацун.

– Ладно, ладно! – одобрительно подтвердили остальные парни. – Слазь, Лявоновна, с печки! – торопит Потап.

– А Изохватиху сами выберите, – сказали многие «батьке» и «матке», те пошептались.

– Нехай Гапка Федоркина будет Изохватиха, – объявил Потап. Все одобрили его предложение. Гапка была уже солдаткой, мужа ее угнали в Маньчжурию, поэтому девушкам можно было поверять ей тайну сердца. Каждая девушка прошептала Изохватихе на ушко, какой парень ей люб. Выборные уселись на слонец около печки.

– Ну, теперь, девки, становитесь налево, хлопцы – направо! – командовал Потап.

Лявониha весело запела:
Буду я девчат ловить,
Буду их с хлопцами женить.
Досыть вам по одной ходить,
Надо вас у пары вводить...

Девушки зарделись как маков цвет; смеясь и закрывая лица передниками, они прятались друг за дружку. Парни степенно выжидали. Изохватиха шепнула что-то матке на ухо.

– Ну, вот и ладно, Настуся невеста, а Тимка жених, поведем их, батька, к Бахарьке.

– Ай, я не хочу замуж! – прячется Настуся в дальний угол; но батька с маткой берут ее под руки и поют:

Бахарька, Бахарька,
Через бор дороженька,
Битая, топтаная:
Настуся коханая,
Три года кохалася,
Бахарьку дождалася!

Скрипач и цимбалист тихо вторили им.

Тимка сховався за Илью Кнора – быццам и ему неохота еще жениться.

Настуся, прикрыв лицо руками, с чувством тихо пропела:

Хоть же я повалюся,
За тобой погонюся,
Хоть же я у свет пойду,
Да тебя и там найду.
Не втикай, дедуличка,
Я ж твоя бабуличка!

Тимка, смущенный и радостный, выдвинулся вперед, взял за руки свою суженую. А та, уже открыв лицо, освещенное счастливой улыбкой, громко запела:

– Выскачив зайнька з гаю, —

Тимка вторил:

– Я тябе, девчина, знаю,
Своей невестой величаю!

Настуся песней спрашивает:

– Бахарька, чаху-чаху,
Што у тябе в меху-в меху?

– Шпилечки, иголки,
Золотые перстенечки,

– поет ей в ответ Тимка.

– Дай же мне поглядети,
Перстенечки надети...

– просит Настуся.

– Перстенок я дам надеть,
Пусти меня к себе посидеть,

– ласково усаживает парень девушку рядом с собою.

Выборные «посгоняли» пару за парой; смех и шумное веселье разрастались.

Темпераментная Аленка сховалась от Егора на печку, но ее и там достали, а Егора, пытавшегося выскочить за дверь, пихали со всех сторон на середину хаты. Невеста сама уже стала ловить своего пугливого жениха; она берет его за руку и страстно поет:

– Аж мне головка болить,
Як мне дедульку зловить!
Не втикай, дедя-лебедя,
Пошью табе рубахи по обеди:

Тоненьки-тонюсеньки,
Беленьки-белюсеньки,
С червоным ковнерчиком,
Штоб звали жавнерчиком...

Егор привлек за обе руки Аленушку:

– На небе зорька ясна,
А ты, девонька, красна.
Я тябе ждав, дождався,
Нехай нам будет счастья...

Музыканты заиграли хороводную:

– Подушечка, подушечка моя пуховая,
Молодушка, молодица, моя молодая!

Счастливые пары, взявшись за руки, пошли в круг. Веселый припев зазвучал в такт оркестру, парни лихо притоптывали, девушки пристукивали каблучками. Круг двигался то в одну сторону, то обратно в мерцающем освещении каганцов.

На улице начиналась метель; ветер завывал под стрехой, наметал сугробы, слепил окна. Стояла темная, морозная ночь, жуткая в своих мутных, таинственных очертаниях.

Давно погасли огни в хатах, только у Лявонихи в ночной мгле мерцал огонек.

Близилась предрассветная пора. Мороз крепчал. Метель утихла, и только седая поземка ползла еще низом, заметая последние признаки дорожного пути.

Небеленый свод прояснился, вновь ярко зажглись звезды. Казалось, и конца не будет долгой зимней ночи! Лишь звонкие голоса певней из двора в двор возвещали приближение утра.

Но утро в этот день наступило как-то необычно скоро – вдруг на юго-востоке занялась заря! Время и место для нее были необыкновенными. Вспыхнувший отблеск столь же внезапно исчез, затем снова появился; он ширился, поднимался все выше и выше. Не розовый, а багровый цвет был у этой зари! Постепенно свет далекого большого пожара достиг окраины деревни. В его лучах поблекли звезды, отчетливее обрисовались предметы на земле, а на противоположной окраине деревни еще более сгустилась темень. Как бы в ответ на стихийное бедствие, протяжно завывали дворовые псы. Деревня проснулась.

Встревоженные жители, наспех одевшись, выбегали из хат; слышались тревожные возгласы:

– Знать, Хотимск горит?

– Не, это левее, – похоже – панская постройка полыхает!

– Пойдем, братцы, поглядим! – крикнул один из мужиков.

– Куды тябе трясыцы понясуть, – остановили его женские голоса. Крестьяне толпились на краю деревни; нетерпеливое любопытство смешалось у них с предчувствием чего-то недоброго.

Вдали на дороге показалась лошадь с санями. Вскоре донеслись веселые голоса седоков. Подъехав к толпе, они остановились, двое вылезли из саней, третий тронул лошадь и поехал дальше.

– Глянь! Наш Петрок звернувся с шахт! – воскликнул женский голос.

– И правда, ен!

– А это ж наш Стеся! – узнал кто-то другого шахтера. Оба они были явно навеселе.

– Чаго вы тут сядите? Там лавки отчинили, товару всякого нахватили, казенку разбили, гарелку пьют, из пипы спирт ведрами разносят, а вы спите! – крикнул в толпу один из приехавших.

– Я говорив, што надо сходить! – с убеждением произнес мужик, которого бабы удержали.

– Идем, братцы, – дружно подхватили в толпе. – Ведра возьмите, а то не во что спирт наливать, – посоветовала Лявониha. Мужики поспешно направились по дороге в Хотимск.

* * *

Местечко Хотимск стоит на левом берегу реки Бесядь. На той же стороне реки, на высоком месте, в густом старинном парке видны каменные хоромы князя Оболенского, а невдалеке от них возвышается труба винокурного завода. Обширные луга, поля и за ними леса окружают усадьбу князя.

Столбовая дорога ведет из местечка на Людинку. Эта станция Риго-Орловской железной дороги – ближайшая к Хотимску и к целому ряду волостей юго-восточной части Могилевщины. Через Людинку уезжали по осени и возвращались летом шахтеры окрестных волостей. В этот год шахтерам пришлось возвращаться зимой, в Коляды.

Владельцы шахт юга, в ответ на революционные забастовки, объявили локаут. Масса уволенных шахтеров разъезжалась по домам и вместе с ними волна революционных событий докатилась и до Хотимска. В первых числах января 1906 г. в Хотимске все заезжие дома были переполнены шахтерами. Какого из них ждали дома с мечтой о хлебе, о справах. Нечем будет порадовать своих домашних, а женихам – своих невест! Мрачные мысли теснились в головах шахтеров; многие из них не спешили расходиться по домам, как бы чего-то выжидая, к чему-то готовясь.

Местные власти с беспокойством посматривали на шумные ватаги шахтеров. Торговцы запирали лавки, припрятавали свои товары.

Особенно тревожно чувствовало себя еврейское население. Волна погромов уже прокатилась по многим местечкам края, черная сотня и союз русского народа выжидали случая устроить погром и в Хотимске.

Черносотенцы решили использовать озлобление шахтеров и направить их недовольство в сторону ни в чем не повинных евреев.

Накануне ярмарки, которая ежегодно устраивалась 5-го января, подстрекаемые черносотенцами, толпы шахтеров стали грабить еврейские лавки.

Мелкий торговец Шевель Шифрин пытался уговорить разбушевавшуюся толпу, но был зверски убит.

Начавшийся погром в этот день удалось приостановить отряду самообороны. Этот отряд состоял из еврейской молодежи, организовавшейся заранее в Хотимске. В этот же день прибыл отряд самообороны, вызванный из местечка Костюковичи. Оба отряда составили группу в 50 человек, вооруженных нагайками, перевитыми проволокой, и десятком револьверов системы «Бульдог» и «Смит Вессон». Руководил самообороной Евсей Хаскин.

Убийство человека подействовало отрезвляющим образом на толпу шахтеров, выступление организованного отряда заставило их поостеречься кровавого столкновения, тем более что и местное русское население не только не принимало участия в погроме, но явно ему не сочувствовало.

В сумерки прибыл из уездного города Климовичи помощник исправника с отрядом вооруженных стражников в 20 человек. Казалось бы, теперь все могли быть спокойны!

Богатые торговцы встречали полицейский отряд с великой честью, называли их заступниками, спасителями. Прошел слух, что полиция прибыла по просьбе еврейского населения.

Жители местечка спокойно готовились всяк по-своему к завтрашнему дню ярмарки. Князь Оболенский также готовился в этот день, но его приготовления были несколько особенными: лакеи укладывали чемоданы, кучера готовили возки, одевали сбрую на лошадей, а сам хозяин отдавал спешные распоряжения дворецкому, ключнику, арендатору Евелю.

В самый разгар приготовлений к отъезду доложили князю о прибытии к нему с визитом помощника исправника Заволоцкого.

– Приси, приси! – обрадованно распорядился князь. – А! Очень рад, очень рад! – поднялся князь навстречу помощнику исправника, как только тот переступил порог его кабинета.

– Честь имею представиться, ваше сиятельство, помощник...

– Знаю, знаю, слышал о вас, господин Заволоцкий, – перебил князь, милостиво протягивая ему два пальца.

– Садитесь, прошу, – указал на кресло князь. Помощник исправника нерешительно присел на край кресла.

– Я, признаться, заждался вас, – с нотой недовольства говорил князь, усаживаясь в мягкое кресло. Лакей выжидательно стоял у двери.

– Афанасий, прикажи отложить сборы и подай нам чего-нибудь: с дороги господину Заволоцкому необходимо перекусить!

– Не извольте беспокоиться, ваше сиятельство! – вскочил помощник исправника, который, кстати сказать, успел уже «согреться» еще перед визитом к князю.

– Нет, нет, такой мороз, вы проехали с полсотни верст! Садитесь, будьте гостем! – радушно улыбался князь.

Лакей живо накрыл на столик. Заволоцкий выпил рюмку водки за здоровье хозяина, вторую – за здравие его семейства и поспешно закусывал.

Князь благодарил, посасывая трубку. Мягкий свет старинных канделябров освещал обширный кабинет, золотил бархат мебели, портьеры, разливался по паркету. На стенах блестели золотые рамы картин, фамильных портретов, серебрились узоры богатого оружия, охотничьих рогов, сумок, высывались головы лосей, косуль, кабанов. Величественная фигура князя в турецком халате колебалась в облаках душистого табачного дыма. Покой и довольство царили в этом роскошном доме. Страж всего этого находился тут же, и князь совершенно успокоился.

– Господин Заволоцкий, у нас происходят пренеприятные события, мы, очевидно, тоже вступили в темную полосу беспорядков, – начал князь.

– Ваше сиятельство, не извольте беспокоиться, – наклонив на бок голову, отвечал помощник исправника. – В полицейском управлении получены весьма утешительные сведения. Революционные беспорядки в Москве окончательно подавлены силою оружия. Закон и право восстановлены, забастовки в промышленных городах пресекаются решительными действиями войск и полиции. Владельцы предприятий не стесняются более с бунтовщиками и увольняют их массами. Конечно, это приводит к некоторым трудностям; так, например, сейчас у нас в уезде, как и в других местах, имеет место скопление безработных шахтеров, есть немало репрессированных лиц, но это лишь временное явление. Постепенно они будут обезврежены. Кабинет министров определил положение о чрезвычайной охране также и по Могилевской губернии; чрезвычайная охрана в губернии сейчас усиливается. В ближайшее время ожидается прибытие карательных отрядов; на пути в наш уезд находится эскадрон уланов. Уже разослано предупреждающее объявление от имени вице-губернатора по всем уездам и волостям. Вот оно! – протянул помощник исправника свежий номер газеты «Могилевские Губернские Ведомости».

Князь надел очки и внимательно прочитал:

«От исправляющего должность Могилевского губернатора. В последнее время в разных городах возникали беспорядки, при подавлении которых нередко происходило столкновение толпы с чинами полиции и войсками, причем всегда оказывались невинные жертвы. Считаю необходимым предупредить население без различия звания, пола и положения, что никакие беспорядки в городах не будут допущены.

Всякие насильственные действия, направленные против обывателей или против чинов полиции и войск, будут прекращаемы силою, хотя бы для того пришлось прибегнуть к исключительным мерам.

В виде предупреждения всяких несчастных случаев приглашаю всех жителей городов избегать даже присутствия в местах беспорядков, так как при действии оружием могут всегда оказаться пострадавшими непричастные к беспорядкам лица.

И.Д. Могилевского губернатора вице-губернатор М. Подседлевич. Января 3-го дня 1906 года».

– Да-а-а! – многозначительно протянул князь. – Надо ожидать, что к нам прибудет новый губернатор? – взглянул он на помощника исправника.

– Вы правы, ваше сиятельство, этого следует ожидать, – подтвердил помощник исправника.

– Господин губернатор, к счастью, поправляется от ранения, но после такого потрясения ему необходим длительный отдых, – пояснил он свое мнение.

– Скажите, господин Заволоцкий, каковы мотивы этого покушения? Злоумышленница Лидия Езерская на допросе заявила, что издавна принадлежит к революционной партии, успехам которой Николай Михайлович Клингенберг всегда препятствовал.

– Да, все это неутешительно! Террористические акты сами по себе не опасны для государственного порядка, но за ними могут последовать крестьянские волнения. Вот в чем главная опасность! Нам нужны реформы, и прежде всего земельная реформа.

– У народа под влиянием общин сложился своеобразный взгляд на собственность земли: они ее считают общим достоянием, и если у меня ее мало, то следует отобрать у того, у кого больше. Такой ложный и преступный взгляд мог развиваться только под влиянием общины.

– Совершенно справедливо изволите сказать, ваше сиятельство, – реформы необходимы, но это дело несколько продолжительное... Сейчас же необходимо обуздать тех, у кого мало земли, а ему хочется больше за здорово живешь, как говорит пословица. Наша первейшая задача – изловить вожakov революционных беспорядков, выслать в Сибирь, даже просто уничтожить их! Князь встал и прошелся по кабинету.

– Но это крайние меры, их следует избегать; к чему пролитие крови? И так уже многое совершилось. – Согласитесь, ваше сиятельство, что террор, проводимый революционными элементами, не дает покоя положительно всем: государственным чиновникам, населению; полиция же совершенно выбивается из сил! – с жаром возразил помощник исправника.

– Согласен с вами, господин Заволоцкий, но без реформ невозможно справиться одними полицейскими мерами?

– Разумеется, ваше сиятельство, реформы необходимы; но что прикажете делать, если среди бела дня злоумышленники стреляют в чинов полиции? Буквально на днях в Могилеве стреляли в полицмейстера Родионова; только вследствие резвости рысака он ускакал от нападавших. Во главе покушавшихся был юноша 18–19 лет с маузером в руках; имеются основания полагать, что это Савицкий, известный террорист Черниговщины. Более того, сей бывший реалист уже и ранее навещал нашу губернию. Как стало теперь известно, он же возбудил крестьян села Кишицы Чаусского уезда 17 июля прошлого года.

– Это ужасное событие! – вздохнул князь. – Я не могу понять, почему не удалось примирить крестьян.

– Видите ли, ваше сиятельство, крестьяне домогались отсудить поемный луг у господина Гебеля из имения Сосновичи. Наконец они сами согласились провести границу, но когда землемер стал отрезать луг и взял не то направление, крестьяне взбунтовались. Среди них был замечен какой-то подозрительный молодой человек; надо добавить, что толпа крестьян была в 300 человек. Вызвали роту солдат, но крестьяне вступили с ними в борьбу, пришлось прибегнуть к оружию; офицер приказал стрелять – убито 8 крестьян и 15 ранено. Были также убитые и раненые солдаты. Молодой человек, подозреваемый в подстрекательстве, бежал, отстреливаясь из маузера.

Князь слушал, думал о чем-то другом, расхаживая по кабинету.

– Такие организованные бунты крестьян являются следствием их общинного взгляда на владение землей, я убежден в этом, – заключил свои давнишние мысли князь, усаживаясь в кресло.

– Представьте себе, будь у каждого из них кусок земли, скажем, хутор, ну, какое было бы ему дело до поемного луга Гебеля? Всякий состоятельный крестьянин скорее купил бы себе еще земли, но не стал бы бунтовать и других вовлекать в кровопролитие.

– Удивляюсь, почему эта простая идея не возникает у правительства, – размышлял князь. – Однако, господин Заволоцкий, мы с вами уклонились.

– Совершенно справедливо изволили сказать, ваше сиятельство, – заметно оживился помощник исправника, неспособный обсуждать общие взгляды на политику и реформы.

– Каковы же ваши планы во время ярмарки против беспорядков в нашем местечке?

– Я имею, ваше сиятельство, специальные указания, – многозначительно проговорил помощник исправника.

– Я понимаю вас, господин Заволоцкий, – закивал головой князь, – однако же... – Он явно хотел сказать, что ему можно доверять, но помощник исправника вполне его понял и поспешно заговорил:

– Ваше сиятельство, беспорядки, как вам известно, сегодня уже происходили; завтра, надо полагать, будут попытки грабежа торговцев. Руководители местного союза русского народа во что бы то ни стало стремятся учинить расправу с иудеями. Они уже являлись ко мне. Только что прибыла самооборона из Костюкович; она вооружена револьверами, настроена решительно. Шахтеров не менее 500 человек, они не расходятся, ждут завтрашней ярмарки. Полицейский отряд вместе с местными силами полиции – всего 30 человек. Согласитесь, ваше сиятельство, положение весьма серьезное!

– Как же вы намерены действовать, господин помощник исправника? – озабоченно спросил князь.

– К сожалению, высочайше утвержденное еще 6/ХІІ прошлого года положение Кабинета министров, в силу которого владельцам имений разрешено образовывать собственную, под наблюдением властей, охрану имений, у вас еще, насколько мне известно, не проведено? Поместья владельцев не имеют вооруженной охраны?!

– Да, мы замешкались, – развел руками несколько смущенный князь.

– Это было бы весьма своевременно именно сейчас, – продолжал помощник исправника.

– При создавшемся положении завтрашний день грозит неприятностями, – растерянно сказал князь, взглянув на собеседника.

– К сожалению, они неизбежны; но вам и вашему имуществу ничто не угрожает, мы примем все меры, позвольте заверить вас, ваше сиятельство!

– Да, но тогда кому же угрожает, если не мне? Здесь рядом мой винокурный завод! Нет, я все-таки уеду, хотя бы на некоторое время! – князь явно волновался.

– Как будет угодно вам, ваше сиятельство, но я исполню свой долг. Беспорядки будут направлены в определенное русло, я уверен... все будет в порядке! – помощник исправника одобрительно улыбнулся.

– Это ваше дело, господин Заволоцкий, делайте как лучше! Не смею больше вас задерживать, – князь поднялся, давая понять, что визит закончен.

Помощник исправника вскочил и вытянулся.

– Я исполню свой долг, ваше сиятельство!

– Я надеюсь на вас, господин помощник исправника. Желаю вам успешно выполнить свои обязанности. Помощник исправника щелкнул шпорами, отвесил глубокий поклон и вышел.

– Афанасий, – позвал князь. – Прикажи готовить рано утром выезд!

– Слушаюсь, ваше сиятельство.

– Позови Евеля!

Князь давно уже отправил свою семью в уездный город, туда же намерен был уехать и сам. Он окончательно убедился в необходимости покинуть свое поместье. Беседа с помощником исправника еще больше убедила его в серьезности положения. Из намеков помощника исправника он ясно понял, что завтра предстоит погром. Но как все это обернется и чем кончится? Он взволнованно метался по кабинету.

Вошел Евель. Хорошо одетый, среднего роста, несколько ожиревший, уже не молодой, с лысиной и небольшой жидкой бородкой, кривой на левый глаз, арендатор являлся фактическим владельцем имения князя. Последний всегда нуждался в деньгах, деньги же были у Евеля. Он умело вел хозяйство, добился у князя долгосрочной аренды, ворочал всеми делами по имению и винокурному заводу. И сейчас князю нужны были деньги до зарезу, хотя бы тысяча рублей. Явиться без гроша к семье было немыслимо.

– Послушай, Евель!

– Слушаю, ваша светлость, – склонился чуть не до земли Евель и застыл, согнувшись в три погибели.

– Завтра утром я должен по срешным делам отбыть в уездный город.

Евель, не разгибаясь, снизу вверх воззрился своим зрячим оком на его сиятельство.

– Мне нужны, сам понимаешь, деньги!

Глаз Евеля беспокоино забегал по сторонам, руки вывернулись ладонями вперед. Этот жест явно говорил, что денег у Евеля нет.

– Достань хотя бы тысячу, мне необходимо! – стараясь придать голосу мягкость, убеждал князь.

– Надолго ли ваше сиятельство покидает нас? Завтра утром ярмарка, к вечеру можно было бы кое-что выручить, – резонно произнес Евель, немного разогнувшись.

– Нет, я уеду рано утром, а тебе, Евель, не советую быть на базаре, – князь выразительно поднял указательный перст.

– Благодарствую за совет; я и мои детки не забудут вашей доброты, сиятельнейший князь.

Евель и сам все хорошо понимал, но у него была какая-то надежда на помощника исправника и его отряд. Вместе с богатыми торговцами-евреями он успел уже задобрить их. Но намек князя развеял и эту надежду. Убеждать князя оставаться здесь не имело никакого смысла, да и было небезопасно. Князь привык к нему, был его должником, а если, не дай бог, его убьют, пропадут все долги?!

– Я не могу уехать без денег, пойми, Евель!

– Через пять минут деньги будут, но кто останется охранять ваши покои? – голос Евеля задрожал, он схватился руками за голову.

– Помощник исправника заверил меня. Дворецкий соберет людей. Ну, а завод на твоё попечение оставляю, придумай что-нибудь; может быть, спирт выпустить заранее? – нерешительно предложил князь.

– Ой, нет, убытки! – воскликнул Евель, умоляюще протягивая руки.

– Ну, делай, как знаешь. Я тут ничего не могу поделать. Ступай и пришли деньги! – повелительно простер князь руку, указывая на дверь.

В эту ночь Евель не спал. С семьей он жил в одном из флигелей поместья. Мучительные страхи мерещились ему неотступно. Он то и дело поглядывал в окна, оградив двумя ладонями свет. Снежная пелена покрывала все кругом. Уныло завывал ветер в трубе. Чады и домочадцы его давно уже спали.

По уходе от князя он сообщил кое-кому из своих знакомых в местечке о надвигающейся опасности. Он решал не раз бежать, но куда бежать в мороз и стужу? Нет, это невысмыслимо! Надо что-то придумать, но что?

Облачившись в молитвенный наряд, он долго бормотал молитвы, трясая головой, двигаясь взад и вперед по комнате. Окончив молитву, Евель несколько успокоился, собрался с мыслями.

– Да, надо что-то придумать на всякий случай, если толпы громил двинутся из местечка сюда!

Наконец, у него созрела какая-то мысль.

– Только так! – проговорил он вслух. – Надо прилечь.

В это же время в доме местного урядника шло совещание. Оно было не очень продолжительным. Три полицейских чина скоро пришли к единому мнению: прежде всего, необходимо блокировать отряд самообороны, не допускать агитации революционных элементов. Если таковые появятся, тут же их арестовывать.

Остальное совершится беспрепятственно. Казенкой неизбежно придется пожертвовать; сидельца заранее предупредить, чтобы убирался вовремя.

– Необходимо принять меры к предотвращению повторения событий в Шклове, – предупредил помощник исправника.

– Известно ли вам, господа, что в Шклове 14/XI прошлого года на ярмарке же отряд самообороны беспрепятственно расправился с полицией? Крестьяне же не приняли участия в погроме.

– Да, об этом писалось в «Могилевских Ведомостях», ваше благородие, – ответил местный урядник.

– Советую это иметь в виду и не распалять отряд полиции, – многозначительно добавил помощник исправника. События в Шклове небезосновательно волновали чинов полиции. Затянутый черносотенцами и полицейскими погром закончился там для них весьма плачевно. Анонимное сообщение, напечатанное в «Могилевских Губернских Ведомостях», в номере 140 от 26/XI – 1905 г., так изображало происшествие в местечке Шклов:

«Беспорядки в м. Шклове.

14/XI в м. Шклове была 2-дневная ярмарка. Еврейское население просило усилить полицейский наряд, будучи напугано еврейскими погромами в других местностях и чувствуя нерасположение к себе окрестного крестьянского населения.

15/XI в 4 час. пополудни, когда многие разъехались с ярмарки, толпа молодых евреев, около 200 человек, как надо полагать, по заранее установленному плану, подкараулила местного жандармского унтер-офицера Снопкова и, подступая к нему, начала требовать от него объяснения по поводу Оршанских событий, полагая, что Снопков телеграфировал в Оршу о выезде туда боевой организации, из числа которой там было убито 5 человек. На дерзкое требование толпы Снопков ответил, что он ничего не знает и, предвидя заднюю мысль толпы напасть на него, повернулся и хотел уйти, но едва Снопков сделал несколько шагов, толпа с криками «ура», производя непрерывные револьверные выстрелы, бросилась за Снопковым, и только благодаря тому, что Снопков не потерялся, ему удалось отступить к дому Москвера, захлопнуть за собой дверь и, пользуясь моментом, перебежать через двор и скрыться. Несмотря на то, что евреи стреляли на расстоянии ста шагов и сделали по нему около 200 выстрелов, его не задела ни одна пуля.

В описываемый момент оставшиеся на базаре крестьяне, хотя и в очень незначительном числе, начали вооружаться кольями и хотели броситься на толпу евреев, но полицейские урядники – Рыхлевский, Пясецкий, Никаноров и рассыльные Подберезский и Палешнин, побеговшие на выстрелы, увидев вооружившихся крестьян с целью броситься на евреев, успокоили их, и последние беспрекословно послушались урядников. Едва только эти чины полиции приблизились к толпе евреев, как послышались крики: «Лиса ушла, бей хотя котом», и сейчас же открыли огонь по ним и начали бить особенно устроенными нагайками из толстой проволоки с металлическою гирей на конце.

Вследствие такого разбойничьего нападения евреев на чинов полиции из числа последних оказались ранеными: урядники – Рыхлевский пулею в голову и, кроме того, нанесены ему побои металлическими нагайками, а когда он лежал, потеряв сознание, у него евреи вытащили клинок шашки и револьвер; уряднику Лясецкому разбили голову и нанесли побои, и то же самое причинили рассыльному Подберезовскому. Остальные чины полиции получили сильные побои, но без причинения ран. Увидев приближение других чинов полиции, толпа разбежалась.

По доставлении раненых в больницу урядник Тарасов попросил земского врача – женщину Островскую – осмотреть раненых и сделать перевязку, на что получил от Островской ответ, что она перевязки делать полиции не будет, так как должна ехать к больному, и чтобы ее не ожидали, так как она поедет потом к другому больному. Несмотря на усиленные просьбы Тарасова оказать помощь урядникам, Островская вскоре уехала из больницы в местечко, и поэтому перевязку раненым делал больничным фельдшер. В виду такого отношения в больнице к раненым, последние были отправлены на излечение в Могилевскую губернскую больницу».

5/XII – 1905 г. в № 144 «Могилевских Губернских Ведомостей» было помещено письмо Веры Островской:

«Прошу редакцию поместить мой ответ на статью «Беспорядки в Шклове». Прочтя в № 140 М.В. описание беспорядков в Шклове, я сочла своим долгом написать на него опровержение, в виду того, что автор этой анонимной статьи, допустив большие неточности в описании беспорядков, почему-то нашел нужным набросить некоторую тень и на меня. В самый момент беспорядков я была у больного в квартире Витина на базаре и, выйдя на крыльцо, была свидетельницей происходящего. Утверждаю, что «о толпе в 200 человек» не может быть и речи, не было также и «заранее установленного плана»; наоборот, общее мнение было против небольшой группы молодежи, затеявшей спор с Снопковым. Во время спора Снопков обнажил шашку, а в ответ на это раздались выстрелы. Неверно и то, что крестьяне хотели с кольями броситься на толпу евреев и полиция их удержала – я видела совершенно ясно, как испуганные выстрелами крестьяне бросились бежать в разные стороны.

Перехожу теперь к той части статьи, которая касается лично меня. Автор утверждает, что на «усиленные просьбы я ответила отказом делать перевязку полиции». На самом же деле избитых доставили в лечебницу в то время, когда я ездила по местечку к больным. По возвращении домой я услышала от прислуги, что в мое отсутствие 2 раза приходил городской звать меня в больницу, так как «у урядника в голове застряла пуля». Я попросила прислугу поскорее сбегать в больницу и спросить фельдшера, действительно ли есть такие серьезные ранения, и получила в ответ, что повреждения ничтожные, присутствие мое не необходимо, так как больным уже сделаны перевязки и по случаю переполнения общей палаты фельдшер думает поместить урядников в родильной.

Несмотря на такое успокоительное заявление, я все же пошла в больницу и, встретив там одного из урядников, довольно резко спросила у него, что за охота полиции затевать истории с кровопролитиями; он сказал, что попал в толпу уже после начала драки. Далее я спросила фельдшера о роде повреждения, и, узнав, что у одного из урядников пуля прошла около уха под самой кожей, а у другого только несколько кровоподтеков, я поставила ему на вид, что крестьян, являющихся к нам с несерьезными повреждениями, мы, перевязав, отправляем домой; следовательно, можно было бы, в виду переполнения лечебницы, отправить домой и урядников, а не занимать для них родильную комнату. Далее должна сказать, что урядники все-таки были нами приняты и помещены в общей палате и на следующий день, пообедав, ушли из больницы. Сомневаюсь только, чтобы они были приняты на лечение в губернскую больницу.

Покончив с описанием беспорядков в Шклове, я спрашиваю у автора анонимной статьи, какая ему была необходимость впутывать в нее меня, и не для того ли, чтобы набросить тень на мое имя, он написал и самую статью?

Врач Вера Островская».

В одном из последующих номеров автор анонимки пытался оправдать свое письмо и, бесчестно извращая факты, пытался опорочить Веру Островскую, подписавшись «Знакомый».

Печатая эти анонимки, редакция нарушила свой устав – в ряде номеров газеты указывалось: «анонимных корреспонденций не печатаем».

На следующее утро в местечко стали съезжаться крестьяне окрестных деревень и сел. По всем дорогам двигались сани, шли мужчины в серых армяках, бабы в полушубках, закутанные в платки.

Мороз был крепкий, захватывал дыхание. Пар клубился вокруг лошадей; намерзли сосульки на усах и бородах мужиков.

На площади в центре местечка расставляли возы; рогатый скот, пригнанный на продажу, отводили в особое место, лошадей ставили отдельно; блеяли овцы, визжали и хрю-

кали свиньи, прикрученные веревками к саням, кудахтали куры, гоготали гуси. Все шумнее и говорливее становилось на базарной площади.

Еврейские лавки не открывались, и двери их были накрепко заперты засовами, замками. Русские торговцы открывали лавки, но перегораживали входы придвинутыми столами.

Отряд конных стражников во главе с урядником выехал из полицейского участка и направился к синагоге, где находился отряд самообороны. Подъехав к воротам двора синагоги, урядник постучал в калитку рукояткой плетки.

– Эй вы там! – крикнул он. – Выходи для переговоров!

Калитка приоткрылась, высунулась голова молодого человека.

– О чем будем вести переговоры, господин урядник?

– Я должен предупредить вас всех здесь находящихся. – Конь под ним нетерпеливо бил копытами, приплясывал. – Никто не должен из вас появляться на площади; если будете вылезать, прикажу стражникам стрелять. Понял? Передай своим жожакам!

Калитка закрылась.

На площади появились шахтеры; они шумно разговаривали, затягивали песни, куражились, слоняясь то туда, то сюда. Многие были навеселе, переодетые стражниками, какие-то загримированные типы сновали между толпами, затевали разговоры, в чем-то убеждали, кивали на запертые лавки евреев.

– Ты дай нам водки, а тады кивай! – послышался возглас.

– Правильно, а то сухая ложка рот дерет, – бросил шутку рослый парень.

В толпе загоготали.

– Водка в казенке! – крикнул кто-то.

– Идем туда! – закричало несколько голосов.

Толпа двинулась к казенке, которая находилась недалеко от синагоги. Отряд полиции стоял на месте не двигаясь.

– Знать, побаиваются, – заговорили в толпе.

– Смелей, ребята! – подбодрил переодетый стражник. – Христианам они – враги.

– Што-то чудно! Как бы подвоха какого не было? – недоуменно заговорили более трезвые.

– Ничего, нас сила, отчиняй казенку! – гаркнули голоса. Толпа кинулась к крылечку; двое одновременно ухватились за ручку двери, разом рванули. Дверь с треском отворилась настежь; вторую дверь открыли ударом ноги, чуть не сорвав ее с петель, в дверях произошла давка.

Задние с криком и гамом напирали.

– Бей окна, влезай! – нетерпеливо кричали позади.

Раздался звон разбитых стекол; рамы были мгновенно проломлены. Люди лезли в казенку, хватали бутылки водки, торопились тут же пить.

– Подавай сюды, всем хватит! – шумели в напиравшей толпе.

В руках замелькали бутылки, захлопали пробки, вышибаемые сильными руками ударом в доньшко.

Пили из горлышка без передышки; соседи вырывали бутылки из рук, начались ссоры, ругань, возникли драки. Мужики у своих саней наблюдали разгром казенки.

– Глянь, пьют, а мы што? – крикнул один из них.

– Пойдем, братцы, согреемся!

Не прошло каких-нибудь полчаса – часу, как от запаса водки в казенке остались лишь одни пустые бутылки. Захмелевшие люди заорали песни, двинулись группами, кто по площади, кто по краю ее. Порядочная толпа подошла к синагоге.

– Эй, селедошники, слазь с коней! – стали приставать к стражникам хлопцы. – Што вы – синагогу обороняете?

– Там отряд самообороны во дворе, – ответил стражник.

Опьяневшая толпа загудела, заорала и полезла ломать ворота. Кто-то бросил пустую бутылку в окно синагоги, туда же полетели палки сломанной ограды. Звон разбитых рам, крики толпы привлекли еще большее скопление людей у синагоги. Десятка полтора стражников совершенно растворились в этой массе. Мороз заставил их слезть с коней. Они, чтобы согреться, топтались на месте.

Руководители отряда самообороны опасались еще одной беды: пьяная толпа могла поджечь синагогу. Это погубило бы весь отряд!

На другой стороне площади тоже начались буйства. Оттуда неслись раскатистые удары железа об железо – разбивали замки лавок. В первую очередь сломали запоры «железных» лавок, где были взяты ломы, топоры, разновесы. Вооружившись этими орудиями, громили бросились к еврейским лавкам. Но сбить замки оказалось нелегким делом: лом их не брал, топоры высекали снопы искр.

Смекалистый хлопец предложил надежный способ: разновес в 20 или 40 фунтов навязывали на пару длинных шарфов, снятых с шеи. Двое, раскачав гирю за свободные концы шарфов, били ею по замку. После немногих ударов замок разлетался.

Когда в руках людей замелькали трубки сукна, шелка, пестрого ситца, миткаля, ботинки, сапоги, заблестели галоши, не оставалось уж ни одного равнодушного человека среди тысячного скопища зрителей.

– Ня рушь, это мое! – орал, ухватившись за трубку сукна, парень; другой тянул ее к себе. – Ты схавив, так думаешь и пан! – Оба валились на снег, хрипели, матерились. В другом месте наиболее шустрый парень успевал вырваться из кольца цепких рук, мчался по площади, удирая от погони, но неизбежно сталкивался с другими свитками, шубами, армяками; дело кончалось опять же жестокой схваткой и потасовкой.

Иной раз трубки в этой борьбе раскатывались, десятки рук хватались за ленту и тянули ее во все стороны. Лента рвалась в клочья; у некоторых оставался лишь зажатый в кулаке кусок материи. Такие перетяжки возникали то тут, то там; догадливые ударом ножа перерезали ленты, тянувшие их валились в разные стороны под смех товарищей.

События развивались стремительно.

На крыльце полицейского участка стоял помощник исправника. Он спокойно наблюдал развертывающуюся картину погрома. Все шло по плану: самооборона заперта во дворе синагоги, казенка опустошена; опьяневшие люди легко поддались на агитацию черносотенцев и стражников. Лавки разбиты и разграблены, скоро начнут громить дома!

– Господин урядник, возьмите из резерва пять стражников и направьте их на дорогу, ведущую к имению; туда никого не пускать! – приказал он.

Револьверные залпы со стороны синагоги, храп испуганных лошадей, отчаянные вопли, по-видимому раненых, людей заставили содрогнуться Заволоцкого; он увидел, что отряд самообороны открыл ворота и дал залп по толпе. Люди шарахнулись, побежали, увлекли за собою и стражников. Он видел, как вздымались нагайки над стражниками, их лошадьми, которые после ударов бросались как бешеные, давя людей. Еще минута – и повторится история в Шклове, но только в худшем виде.

– Резерву стражников следовать за мной! – крикнул он, обернувшись в открытую дверь коридора. Оттуда, вслед за ним, выбегали стражники.

Обнажив шашку, Заволоцкий бросился наперерез самообороне.

– Стой, назад! Остановить их! – крикнул он, указывая шашкой в сторону самообороны.

Вмешательство помощника исправника с отрядом стражников изменило положение. Самооборона была вынуждена отступить во двор синагоги, к тому же толпа, увидев

поддержку полиции, опомнившись от испуга, вызванного первым залпом револьверных выстрелов, бросилась с чем попало в руках на самооборону. Когда ворота двора синагоги закрылись, оттуда снова хлопнули редкие выстрелы. Толпа и полицейские остановились в некотором отдалении. Установилось своеобразное равновесие сил: нападающие побаивались подступить, опасаясь выстрелов, осажденные ясно видели свое бессилие справиться с многосотенной толпой и отрядом полиции.

Помощник исправника расхаживал среди громил, делал вид, что уговаривает прекратить беспорядки.

– Нехай отдадут револьверы, нечистая сила!

– Какое имеют право стрелять в людей? – кричали в толпе.

Из калитки вышел Евсей Хаскин.

– Хлопцы! – обратился он громким голосом к толпе. – Вас натравили на невинных людей. Мы вынуждены защищаться, защищать жизнь и имущество еврейского населения. Полиция и черная сотня обманывают вас! Впереди стоящие затихли, прислушались, но задние не видели говорившего, продолжали орать на все лады.

– Арестовать его! – закричал помощник исправника, пытаясь схватить говорившего. Тот ловко увернулся и изо всех сил хватил его плеткой. Зимняя одежда спасла Заволоцкого от основательного повреждения; тем не менее, удар был настолько ощутителен, что заставил помощника исправника отпрянуть. Хаскин скрылся за калиткой.

Слух о начавшемся погроме быстро распространялся по окрестным селениям. Со всех сторон спешили в местечко люди, кто поглядеть, кто с надеждой: авось чего-нибудь перепадет. В радиусе 10–15 верст все пришло в беспокойство и движение. Во второй половине дня уже тесно стало на площади. Подстрекатели увлекли многих в улицы и переулки. Там начался грабеж еврейских домов. Оттуда неслись отчаянные вопли, в воздухе носились тучи из пуха разорванных перин, как будто начался снегопад с безоблачного неба.

Русские жители наспех вывозили пожитки и детей, в окнах появлялись иконы. Этим как бы говорилось, что здесь живут христиане. Таким же образом пытались оградиться и еврейские дома.

Местечко Хотимск становилось все более жутким, страшным местом.

Солнце уже стояло у горизонта, скоро темнота скроет разгул толпы, окончательно развяжет руки черносотенцам, возникнут пожары и кто знает – может быть, к утру местечко превратится в пепелище?

Население местечка поняло грозившую опасность и начало вступать в борьбу с грабителями, но было уже слишком поздно! Нужны были роты солдат, чтобы силой унять разбушевавшуюся стихию!

Из своего дома на площади наблюдал всю картину погрома студент медицинского факультета Московского университета Семен Семенович Могилевцев. Он приехал на зимние каникулы. Отец его – богатый купец, всем известный жертвователю на благолепие местного сбора, получил недавно награду по высочайшему указу.

Уже несколько раз пытался студент выйти на площадь, хотел вмешаться, убедить толпу прекратить погром, но отец и мать преграждали ему путь.

– Не пуцу! – кричала мать, расставив руки.

– Сеня, убьют тебя, сами же полицейские убьют, все равно ничем ты не сможешь! – убеждал отец.

Сын отступил. Он поднялся в мезонин и с тоской смотрел в окно. Площадь была видна как на ладони. За нею во все стороны растекались узкие улицы, закоулки. Там жила беднота: мелкие торговцы, кустари, ремесленники. Их жилища имели убогий, жалкий вид, и, если бы не снежное покрывало, зрелище было бы еще более безотрадным. А вдали за рекой возвышалось поместье князя Оболенского!

Этот контраст возбудил в нем глубокое чувство протеста. При виде насилия и грабежа, спровоцированного темными силами, он понял всю трагедию совершающегося. Руки сами схватились за ручку двери мезонина, рванули: дверь подалась, но, намерзшая, открылась чуть-чуть. Вместе со струей холода до слуха донеслись вопли избиваемых. Не помня себя, он рванул дверь и выскочил на балкон.

– Сограждане! – раздался сверху звонкий голос. В морозном воздухе он донесся до каждого, кто был на площади. Все невольно подняли глаза.

Выйди тот же студент на площадь и заговори – его услышала бы какая-нибудь сотня людей, а увидело и того менее. Но он был наверху! Его видели и слышали все! Говорил студент в синей куртке, ученый человек!

– Вас обманули полицейские и черносотенцы, – неслись слова правды по всей площади. – Зачем вы убиваете бедняков, разоряете их жилища? Смотрите туда! – широким жестом руки указал Могилевцев на хоромы князя Оболенского. С площади большинству они были видны, и всем была видна труба винокуренного завода. Тысячи людей увидели усадьбу помещика.

Уже этого одного было достаточно, чтобы перевернуть их сознание, показать им всю несправедливость совершаемого поступка.

– Вот где живут ваши извечные враги и угнетатели! Там богатства, накопленные потом и кровью крестьянства!

Слова жгли, хватали за сердце, отрезвляли сознание, как ушат холодной воды.

Все затихло. С немым изумлением, затаив дыхание, неотрывно глядели люди на оратора. И когда, весь подавшись в направлении имения, вскинув обе руки, он страстно крикнул: «Идите туда, там все ваше», – ни у кого не осталось и тени сомнения в правоте прозвучавшего призыва.

– Стреляйте в него, – отчаянно завопил урядник, хватаясь за револьвер. Стоявший рядом здоровенный бородач с придыхом «гах» сокрушающе ударил его по затылку.

Оглушительный рев потряс площадь, раскатился далеко во все стороны вокруг нее. Казалось, сверхъестественная сила шарахнула тысячи людей в сторону княжеского поместья.

Полицейские чины спасались бегством; попадавших под руку нещадно били, топтали, колошматили; выскочившая самооборона хлестала их плетками, обезоруживала.

Не прошло и пяти минут, как площадь опустела, только из-за реки доносились грозные крики тысячеголосой массы удалявшихся людей.

Солнце садилось за горизонтом, мороз крепчал.

Когда Евель узнал, что в местечке началась заваруха, он приступил заранее к осуществлению своего замысла. Прежде всего, он взобрался по пожарной лестнице на высоту второго этажа господского дома. Оттуда он осмотрелся. Его единственный глаз прошелся по пространству сначала от себя до Хотимска, потом обратно; окинул просторы справа и слева.

– Да, только по дороге! По снегу не побегут.

Стратегические соображения смекалистого арендатора были правильны. В случае нападения на усадьбу со стороны Хотимска добраться до нее можно было только по дороге через мост. Справа и слева вилась впадина реки, покрытая глубоким снегом. Подъезд к усадьбе шел от столбовой дороги несколько в гору. Железные решетчатые ворота преграждали въезд во двор. Дорога же к винокуренному заводу ответвлялась влево вдоль ограды, и стоило пройти несколько десятков шагов, как весь завод вставал перед глазами; ограда делала здесь угловой поворот, затем она снова поворачивала, преграждая дорогу к заводу. Здесь были вторые железные ворота.

Евель спустился вниз, подозвал двоих работников.

– Што за штука? – недоумевали работники.

– Потом приедете за столами, – добавил Евель, направляясь к своему дому. По пути он увидел тучного дворецкого; тот суетился, покрикивая, кого-то разыскивал; никто особенно его не слушал, даже кухарка Домна с презрением сказала:

– Не колеблись ты, Пимен Иванович! Надо бы оружаться, а ты руками машешь!

– Цыц ты, шут тебя возьми, што каркаешь?

– Каркаешь! – обиделась Домна. – Вон Евель по крышам лазает, чего-то выглядывает, ты бы посоветовался с ним, чего это он надумал?

– Это он от страха лезет куда попало, а мне нечего на крышах делать; надо внизу обороняться, а то брякнешься с крыши твоей, – говорил презрительно дворецкий.

– Слухай, Пимен Иванович! Мне надо столы, ведра, кружки, – скороговоркой выпалил Евель дворецкому. – Да ты, видать, очумел, Евель? – изумился тот. – Ты што думаешь так пожар тушить? – как будто догадался дворецкий. – Откуда ж брать воду? В бочках все замерзло, а из колодца ее не натягаешься! – разорвался дворецкий над затеей Евеля.

– Ты хочешь пожить на белом свете, Пимен Иванович? – уставился глазом Евель на него.

– Ну и што? – передохнул дворецкий.

– Ну, так давай, што я говорю! – нетерпеливо приставал Евель.

– Ну тебя к бесу! Вон у Домны бери, коли хочешь, а мне неколи с тобой болтать! – дворецкий махнул рукой, решив, что Евель окончательно спятил.

Придя к себе, Евель подступился к жене относительно тех же предметов.

– Куда ты повез бочки со спиртом? Ты раздавать вздумал спирт? И што ты вообще надумал себе? – набросилась на него Хава Григорьевна.

В обычное время Евель уступал своей половине, по крайней мере, в доме она была полновластной хозяйкой. Конечно, главные вопросы он решал сам и не подумал бы спрашивать жену, но тут дело касалось не предметов обихода.

– Дам тебе столы, дам ведра! – трагически повышала голос Хава, размахивая руками. – С ума ты сходишь! Ха... Ха... давай ему кружки! – она даже обидно рассмеялась.

Евель в изнеможении опустился на диван. Он обхватил голову трясущимися руками, горестно вздыхал.

Жена поняла, что дело тут нешуточное.

– Хава! В местечке идет погром, я боюсь, что нам всем грозит беда! Пойми меня, не мешай мне спасти наших детей и себя! – он говорил тихо, с глубоким сознанием надвигающейся опасности.

– Я пошлю сегодня круговую чару вина и да благословит его Иегова, это будет вино спасения, – вдохновенно воздел он руки перед присмирившей женой.

Через какой-нибудь час столы были расставлены перед главными воротами и вдоль ограды до угла ее, откуда уже был виден и сам завод. На столах стояли ведра со спиртом, рядом расставлены кружки.

Хитрый арендатор решил пожертвовать заводом. Втайне он рассчитывал, что убытки все равно взыщутся. Тут шла ставка на спасение жизни, а все остальное в сравнении с этим было пустяками. Расчет Евеля оказался верным.

Бегущая толпа людей растянулась по дороге. Первые добежавшие до ворот в изумлении остановились перед столами.

– Глянь, спиртом пахнет!

Принюхались. И правда спирт! Попробовали... и пошло, захватило, поплыло все кругом! Подбегавшие сзади устремлялись по дороге к заводу, толпились у столов. Чистый спирт перехватывал дыхание, обжигал, растекался по жилам, мутил сознание, парализовывал движения. Все новые и новые толпы людей притекали сюда, неизбежно следовали в сторону завода, а там и ворота, и двери были открыты! Неудержимая волна грозного гнева и натиска,

способная разнести все в клочья, разбилась, растеклась. Нутро завода, как чрево Молоха, поглощало людей сотню за сотней. Оттуда выкатывали бочки, гремели ведрами, гудели как потревоженные шмели.

На панский двор уже никто и не глядел.

Дворецкий, наблюдавший с ужасом за прихлынувшей толпой, наконец поуспокоился, развел руками.

– Ну и голова! Ай да Евель! Давид! – восклицал он изумленный, покачиваясь всем телом.

Когда все бочки были опустошены, кинулись к пипе.

Огромная цистерна была полна. Из отвернутого крана полился чистый спирт. Подставляли ведра, кружки, бутылки, у кого не было – шапки. Спирт разливался по полу. Подступиться к крану могли не многие, происходила толчея, давка.

Наконец догадались! Ломами, захваченными еще в Хотимске, проббили дырки со всех сторон пипы, струи спирта обливали людей, лились на пол; лапти промокли насквозь в лужах спирта. Завод наполнился испарениями, дышать становилось трудно. Мертвецки пьяные мужики валялись всюду, коченели от холода. А по дороге спешили все новые и новые кучки крестьян. Кто шел с ведрами, кто с горлачами, даже ушатами.

Ночь давно спустилась на землю; подул леденящий ветерок, замела поземка; в полночь засвистела вьюга, началась метель. Не стало слышно в панских хоромы и голосов людей, толпившихся у завода. Незадолго до рассвета отсюда донеслись глухие удары. Опоздавшие, в поисках спирта, решили разворотить пипу; из нее уже через кран и отверстия спирт давно перестал течь. «Авось на дне еще осталось». Когда отверстие стало достаточным, чтобы просунуться, заглянувшем в него ничего не было видно. Вот тут-то и прозвучало роковое: – Посвети!

Кто-то чиркнул спичку, поднес к отверстию. Страшный взрыв разворотил пипу, сорвал крышу здания, и огненный смерч устремился в небо. Его-то и увидели в далекой деревне Дударевка... Вспыхнул огромный пожар, море пламени, сгорели сотни людей. Те, кто был еще в состоянии отползти, замерзли по дороге, а способные двигаться бежали без оглядки прочь от этого ада. Так закончился Хотимский погром.

Последующие события были не менее печальны для тех, кто был обманут; другие же извлекали выгоду и из этого народного горя.

Богатые купцы местечка не только сумели припрятать свои товары, но, ссылаясь на погром, отказались от своих платежей по векселям.

Когда же поступили средства от благотворительных обществ американских евреев, они львиную долю забрали себе, а бедноте достались одни крохи. В окрестных деревнях стоял стон и плач: хоронили погибших односельчан, ожидали карателей; они вскоре явились!

В тот же вечер Могилевцев был схвачен полицией. Седьмого января 1906 г. его увозили в уездную тюрьму. В санях, запряженных парой, гуськом с Могилевцевым уселся толстенький урядник. Двое конных стражников следовали за ними.

Путь предстоял немалый – 50 верст. В селе Родня пришлось остановиться. Лошади утомились, люди коченели от холода. До города оставалось еще пятнадцать верст. Урядник решил заехать на постоялый двор Симона Шапиро, которого почему-то прозвали Бараном.

В этот день как раз было воскресенье, в Родне происходил базар. Полиции явно не везло! Урядник торопился, лошадей не выпрягали, а только отпустили подпруги и надели торбы с овсом. Стражники задержались во дворе, урядник вместе с Могилевцевым прошел в отдельную комнату и заказал чай.

В проходной комнате уже сидело несколько крестьян. Они громко о чем-то спорили, но при входе урядника сразу смолкли. Как только закрылась дверь за урядником, мужики переглянулись.

– Схватили! – шепотом произнес один в напряженной тишине.

– Кого это они везут? – спросил другой.

– Знать, какого-то важного! – загадочно произнес третий. Вошли стражники, крестьяне умолкли.

– Убирайтесь! – приказал один из стражников. Мужики по одному стали выходить, но задерживались в передней, со двора доносились сердитые окрики кучера Василия Декабруна. Он, видимо, был не в духе и клял все на свете. Особенно досталось пристяжному коню Буланому.

– Толстопузый ты чорт, каб тебя волки повалили! Лодырь ты, жрешь, как не в свое; добрых людей по тюрьмам развозишь! Студентов, и тех не жалеешь! (Это уже явно к Буланому не относилось.) – Мужики прислушивались к голосу кучера.

– Все по базарам шляешься, а как што, так и хватаешь! И чего тебе, прорва, надо? Но, балуй! И за што тебя, селедошника, кормят? – не унимался кучер.

– Сходим к нему, спросим, што и как? – шепнул один другому. Они вышли во двор.

В то время, как те двое вели разговор с Василием Декабруном, оставшиеся трое наперебой спрашивали Барана, сновавшего из комнаты в комнату: «Кого везут? Откуда?».

Седой тощий Баран в черном длинном балахоне отмахивался от мужиков.

– Вот нечистый дух, хоть бы словечко сказал! – недовольно заметил коренастый мужик в овчинном тулупе и черной бараньей шапке. Барана это замечание задело. Он остановился и погрозил мужику пальцем:

– Иван, а Иван, ты был в каторге?

Не успел озадаченный Иван открыть рот, как Баран, указывая на дверь, где находились полицейские, произнес приглушенным шепотом:

– Так ты попадешь в каторгу! Задетый в свою очередь «за живое», мужик вскочил:

– Ты што мне грозишь? Грозен рак, да где его очи?! – крикнул он во всю глотку.

Тут стремительно открылась дверь; выскочивший стражник, без всякого вступления, ударил мужика по шее, схватил за ворот и вытолкнул за дверь.

Показался второй стражник. Мужики вышли. В коридоре подошли двое со двора, узнавшие от кучера подробности Хотимского погрома.

– Надо, братцы, с базара людей скликать! – решительно заявил оскорбленный крестьянин. – Так им это не проедет, нехай не думают, – уже кричал он, грозя кулаком.

Выйдя на крыльцо, откуда была видна вся базарная площадь, крестьяне зашумели. Перед крыльцом скопился народ. Все галдели, размахивали руками.

– А ты што ему не дав в зубы? – горячился приземистый хлебороб в серой свитке.

– Они ж оруженные! А я што? – развел руками пострадавший.

– Василевского надо погукать, он тут недалечко у сядельца! – предложил кто-то в толпе.

Лазарь Василевский, учитель из соседней деревни Семеновка, действительно был недалеко и, услышав шум у постоялого двора, сам поспешил туда. К нему кинулись разом несколько человек. Они наперебой рассказывали, что стражники везут студента из Хотимска в тюрьму, бьют мужиков ни за что ни про что.

Василевский уже узнал у сидельца, что какого-то арестованного везли недавно урядник и двое стражников.

Теперь, услышав, что это студент из Хотимска, он соображал: неужели Семена Могилевцева? С ним он ранее не встречался и знал о нем со слов того же сидельца, который недавно переехал из Хотимска в Родню.

Урядник, увидев скопление народа у постоялого двора, заторопился.

Сани подъехали к крыльцу, стражники оттесняли народ.

Василевский поднялся на крыльцо, и тут открылась дверь: впереди выходил из нее студент, за ним урядник. Василевский пропустил студента, опустил правую руку в карман зимней куртки и загородил путь уряднику.

– Господин урядник, ни шагу!

Могилевцев исчез в толпе.

Стражники попробовали перехватить его, но крестьяне грозно подступили, схватили за уздечки лошадей.

– Попробуй только кинуться, тут вам и клямка будет! – кричали вокруг.

– Постой! Дай ты мне до него добраться, – протискивался узнавший стражника крестьянин в черной бараньей шапке. Стражника потащили с лошади.

На крыльцо вскочили с десятков крестьян. Толстенький, малого роста урядник побелел, как снег.

– Ишь, крыса, знать, опознала, чье сало украла, – саркастически рассмеялись мужики.

– Гадюка это! – с омерзением заметил рослый сосед. Урядник молча повернулся, быстро пробежал по коридору и юркнул в дверь.

Спустя некоторое время люди разошлись, смешались с народом на базарной площади. Побитые стражники отмывали кровь на лицах.

Кучер вошел в переднюю комнату погреться. Оправившись от испуга, урядник открыл дверь, огляделся.

– Куда ж теперь поедем, ваше благородие? – с широкой улыбкой спросил Василий Декабрун.

– Будет сказано, не твое дело! – с сердцем захлопнул дверь урядник.

Семен Могилевцев переночевал у Василевского и уехал в Москву.

В ближайшем номере «Могилевских Губ. Ведомостей», в отделе происшествий, извещалось, что 7-го января 1906 г. в с. Родня вооруженная толпа отняла у урядника и 2-х стражников главного руководителя Хотимского погрома.

* * *

На масляной неделе в село Родня со станции Рославль прибыл эскадрон уланов с тремя офицерами.

На площади дымили походные кухни; уланы поили лошадей у колодцев, чистили их, выводили на прогулку. В местности было объявлено военное положение.

Деревни и села, казалось, опустели; жители старались не показываться на улицах. Даже дети и те как-то притихли, а если иной малыш расшалится, мать цыкнет на него:

– Гляди, неслух, а то каратели почуют, придут!

Это слово стало пугалом для старых и малых.

Утром, в один из морозных февральских дней, в хате Василевских, как и по всей деревне Семеновка, топилась печь. Старая мать Лазаря – Авдотья Фоминична пекла пшеничные оладьи. Пышные, румяные, они так и сыпались со сковородок в решето, стоявшее на слонце у печки. Чепела, как челнок, сновала в руках бабушки. Сверху, с высокого надчелесника, свесилась русая головка шестилетнего внука Васи. Голубые глазки неотрывно следили за движениями чепелы, сковородками, оладьями, сыпавшимися в решето. Но бабушка тут же покрывала решето чистым полотенцем. Вася облизывался, вздыхал, старался как-нибудь дать понять бабушке, что ему невтерпеж ждать, когда все сядут за стол.

Бабушка была строгим воспитателем и особых поблажек внуку не давала. Васе не раз приходила на ум мысль слезть с печки, незаметно подобраться и ухватить оладью из решета, но тут же он оставлял эту мысль, почесывая поясницу. На слонце, рядом с решетом, лежал передник бабушки, и свешивались предательские матузы – завязки передника, сшитые в

виде жгутов из сурового полотна, что были ничем не хуже двух хороших кнутов. Бабушка искусно действовала в необходимых случаях своими матузами, беря в руку передник. Достаточно было ей сказать: «Где мои матузы?» – как Вася без оглядки кидался наутек.

– Бабушка, дай ладку, – наконец не выдержал внук.

– На, отвяжись! – смилостивилась бабушка. В избу вошел дядя Лазарь.

– Ты бы, Лазарь, сходил, поглядел Лысуху, вот-вот отелиться должна! – сказала ему мать.

– Ладно, мама, погреюсь только! – ответил сын, прикуривая от уголька на загнетке.

– Опять о Савицком заговорили, начинает действовать в нашем уезде! – раскуривая папиросу, сообщил Лазарь.

– Скажи, дядя, Савицкий – это все равно, что Дубровский? – раздался голосок сверху.

– А, Васек! – рассмеялся Лазарь, а за ним и бабушка.

– Дубровский жил давно, а теперь у нас Савицкий, я же тебе объяснял, – продолжал улыбаться дядя. – Вот будешь учиться, все узнаешь!

– И откуда они набираются? – качала головой бабушка. – Надьсь ты тут говорил со своими хлопцами, вот наслушался он и перенял.

– Ты, сынок, книжки бы свои унес; не дай бог, наедут каратели, да еще найдут, беда горькая будет! Не ховай только во дворе, а то найдут – двор спалят, да и вся деревня сгорит!

Бабушка, опершись на чепелу, сокрушенно смотрела на сына.

– Я, мама, припрятал все и в надежном месте, не беспокойся! – спокойно сказал Лазарь, выходя из хаты.

– А ты, слухач, молчи коли што, – строго поглядела бабушка на внука.

Когда Лазарь вернулся со двора, сели завтракать. Говорили мало, сын и внук похваливали бабушкины оладьи, которые со сметаной сами, что называется, лезли в рот. – Ешь, ешь, Вася, скоро пост! – добродушно шутил дядя Лазарь.

– А мне бабушка и в пост молока даст, – уверенно заявил Вася.

– Теперь ты большой, будешь и ты поститься, – пообещала бабушка.

– Нет, бабушка, ты его уж не обижай, он ведь у нас сирота! – погладил дядя по головке Васю.

– Да больно он шустер, сладу с ним нету, хоть бы ты его коли-нибудь выдрал!

– Ты сама, мама, его немало мутузишь, – с легким укором сказал дядя.

Мать Васи умерла, когда ему было всего шесть месяцев от роду. Отец – старший брат Лазаря – погиб в бою под Мукденом. Не раз соседки сокрушенно судачили:

– Не, не будет, не будет сиротка!

Это означало, что не выживет Вася, не вырастет без матери. Но Вася рос и крепнул наперекор всем невзгодам, бабушка выходила, вынянчила внука. Когда Вася подрос, бабушка об этом лишь сокрушалась:

– Ну, что не девочка? Вот бы радость и помощь на старость лет, а то буян какой-то растет!

Но бабушка любила внука, поила и кормила его не только с усердием, но и с толком. И на этот раз она предупредила Васю на десятой оладье:

– Досыть тебе – лопнешь!

После завтрака Лазарь ушел по своим делам. Бабушка сажала в печь хлеба. Вася достал коробок спичек, разыскал большой нож и занялся своим делом. В щель между досками он втыкал спички в виде частокола. Натывав их десятка полтора, Вася замахивался ножом и с громким возгласом:

«Забастовка, революция!» – сносил ножом весь частокол спичек. Раньше это вызывало смех даже у бабушки, но сегодня она подскочила к нему, как ужаленная:

– Тиху ты, бес рогатый! – Потом подошла к окошку, поглядела на улицу. – Тут, того гляди, каратели наедут, дадут тебе революцию!

– А я их ножом! – не уступал Вася.

– Отдай нож, што я тебе говорю? А, где мои матузы? – бабушка стала растеривать передник.

Вася живо бросил нож и мигом очутился на печке.

– Я тебе дам революцию, колыгвус! – пригрозила бабушка матузами.

Опасения бабушки сбылись. Пополудни в деревню Семеновка с двух сторон въехал отряд уланов. Каратели кинулись по хатам, выгоняли жителей на мороз, стегали плетками сопротивляющихся. Во время обыска Лазарь Василевский оказал сопротивление и ранил из револьвера улана.

– В кандалы его! – крикнул офицер.

– Ваше благородие, прикажите поджечь этот двор! – подскочил улан к офицеру, ука- зывая на хату Василевского.

Заголосили женщины, дети.

– Деревню всю спалите! – кричали в ужасе крестьяне.

– Сжечь их гумна, пусть поголодают! – подумав, сказал офицер. Несколько уланов поскакали поджигать гумна. Пожар запылал позади деревни, пожирая остатки хлеба и корма.

– Ну, будете бунтовать, захватывать земли помещика? – окрикнул офицер, гарцуя на коне. Народ молчал.

– Идите теперь тушить! – рассмеялся офицер. – Крестьяне бросились в сторону пожа- ров.

– Нет, пусть бабы идут, а мужиков гнать в волость – там порка будет, а этого, – указал офицер на Лазаря, – в город, там судить будут, – распорядился офицер.

В кольце уланов толпа крестьян молча пошла в сторону Родни. Авдотья Фоминична с внуком долго смотрели им вслед.

– Бабушка, а Савицкий мог бы побить их? – неожиданно спросил Вася.

– Ох, ты, горе мое! – горестно вздохнула бабушка и повела внука за руку в осиротелую хату.

* * *

Тюрьма уездного города переполнилась арестованными. Со всех сторон по дорогам то и дело конвои вели новые толпы крестьян. Заняли арестный дом, полицейский двор. При- гнали сюда и хлебобобов деревень, окружающих Хотимск. Их было более ста человек.

Дел было заведено уйма; окружному суду хватило разбирательств на долгие годы; достаточно сказать, что дело о Хотимском погроме разбиралось только в октябре 1908 г.

Большинство арестованных крестьян отпускали на поруки, до разбора их дел. Наибо- лее важных подсудимых направляли в главную тюрьму. Мрачное каменное здание за высо- кими кирпичными стенами было построено еще в давние времена иезуитами.

Железные сплошные ворота тюрьмы закрылись за Лазарем Василевским. Выхода, казалось, больше нет! Из этой тюрьмы не удавалось бежать еще ни одному человеку. В иные дни ворота тюрьмы открывались, оттуда выводили под конвоем партию арестантов; уводили их этапным порядком в тюрьмы Брянска, Орла, а оттуда отправляли кого в Сибирь, а кого – далее на Сахалин, Камчатку.

Пришел черед и Лазарю Василевскому покинуть навсегда родные края.

В один из мартовских дней, ранним утром, вывели партию арестантов, закованных в ручные кандалы. Впереди ехал жандармский офицер, по сторонам и позади – конные стражники.

Всегда, когда вводили каторжников, как называли закованных в кандалы, сбегалось много любопытных горожан. В глазающей толпе можно было увидеть гимназистов, учеников городского, ремесленного училищ, учителей, мещан. Сюда же приходили родственники арестованных. Каждому хотелось хоть еще разок взглянуть на родное лицо, крикнуть слова привета и проводить в далекий путь. Но так как никто не мог знать, когда поведут именно его родственника, то изо дня в день, с утра до вечера, поодаль от тюрьмы толпились люди.

Арестованных вели посередине улицы, вдоль бульвара. Василевский шел в передней паре. Звякали цепи кандалов. Толпа с обеих сторон придвинулась к конвою; родные стремились разглядеть своих сыновей, отцов, мужей, братьев; горожане из любопытства тоже теснились поближе.

Слышались сердитые окрики стражников:

– Осади назад! Куда лезешь?

Раздавались возгласы сожаления. Кто-то громко заплакал, очевидно, узнал родного человека.

Если раньше для многих это было зрелище, то в эти революционные годы народ взволнованно переживал такие картины.

Ведь это были политические арестованные, люди, боровшиеся за свободу! Правда, до попыток отбить арестованных еще не доходило. Не находилось смельчаков кинуться на вооруженный до зубов конвой.

Наконец это впервые произошло, произошло неожиданно, смело и дерзко.

Раннее весеннее утро выдалось пасмурное, стояла оттепель, снег таял, и снизу поднимался сырой туман.

Как только офицер поравнялся с калиткой бульвара и должен был повернуть на улицу, ведущую на шоссе, калитка открылась, и из бульвара выскочило двое молодых людей. Один из них схватил за уздечку коня офицера и осадил его.

– Граждане, бей карателей! Освободим наших братьев! – крикнул во весь голос юноша.

На какое-то мгновение опешили все: и стражники, и сами арестованные, и толпившиеся вокруг них люди.

Неизвестный выстрелил, но попал в голову коня; конь стремительно рванулся и рухнул вместе с офицером на мостовую.

На сей раз не отдельные выстрелы раздались по карателям, а затрещали очереди. Казалось, стреляет целый отряд! Передние стражники полетели с лошадей, как молодые грачи из гнезда. В несколько секунд все перемешалось. Неслись неистовые крики, вопли раненых конвоиров, а выстрелы раздавались безостановочно. Арестованные бросились во все стороны. Когда стражники конвоя опомнились, улица опустела.

К месту происшествия неслись конные стражники, бежали пешие; вызвали гарнизон солдат, но... ловить уже было некого.

С этого дня арестованных больше не водили по улицам, их в одиночку отправляли тайно, а горожан и родственников разгоняли плетками.

Кто же были те двое, какое смертоносное оружие было в их руках? Этот загадочный вопрос вызвал самые невероятные толки. Только спустя много времени узнали – это были Савицкий и Абрамов, вооруженные маузерами.

Изгой

Миновали тревожные и бурные годы первой русской революции. Восстания крестьян, волнения среди рабочих города как массовые явления прекратились. Правительству удалось подавить разрозненные силы восставших. Карательные отряды ушли, еврейские погромы не повторялись, но воспоминания об этих зловещих деяниях еще были свежи в памяти народа.

Темная завеса снова опустилась над измученной землей. Но среди болот и лесов Белоруссии не погасло пламя революционной борьбы. Оно поддерживалось партизанской народно-революционной партией Савицкого. Недавние герои революции – идейные интеллигенты, безработные рабочие, голодные, нищие, безземельные крестьяне не верили в гибель революции, не могли примириться с мыслью о безвозвратной утрате свободы и счастья.

Слабые духом, предавшись отчаянию, бесславно гибли в пьянстве, ханжестве и богоискательстве, многие в поисках спасения бежали за границу.

Но сильные волей, крепкие духом не сложили оружие. Они привлекли обездоленных, протягивали им руку помощи, организовывали и вдохновляли на борьбу с оружием в руках, мечтая снова зажечь пламя всеобщего восстания.

Силы реакции крепили; полиция, чиновники, помещики, духовенство – все вместе стремились вырвать корни революции, особенно среди крестьянской массы.

Черная сотня продолжала свое темное дело, разжигала национальную вражду, и еврейская беднота продолжала жить в страхе и беспокойстве. Среди учеников различных школ поддерживались антисемитские настроения. Одной из жертв черной сотни стал Наум Гуревич.

В гимназии шел третий урок; в шестом классе был немецкий язык. Тучный немец Карл Иванович, которого гимназисты прозвали «Карлушей», спрашивал Прокофьева, сына местного купца. Поговаривали, что отец его состоял в черной сотне, во время еврейских погромов награл денег и разбогател.

Сын был плохим учеником и забиякой. Особенно придирался он к Науму Гуревичу, лучшему ученику класса, тихому и скромному юноше.

За одной партой с Прокофьевым сидел Станкевич, сын исправника, а с Гуревичем – Семенов, сын народного учителя.

Семенов учился посредственно, но старательно. Он подружился с Гуревичем, который бескорыстно помогал ему одолевать науки, особенно математику. Он любил этого доброго, смиренного товарища; не раз вступался за Наума, когда Прокофьев и Станкевич задирались с ним, делали мелкие пакости, портили книги или издевались над его народом.

Прокофьеву неизбежно угрожала единица. Но Станкевич решил выручить приятеля. Скоро должен был раздаться звонок на большую перемену, и надо было сорвать конец урока. Сжав губы, глядя в книгу и не меняя выражения лица, Станкевич замычал на весь класс.

Карл Иванович вскочил, как ужаленный, направился в сторону Станкевича, но мычание раздалось где-то на передних партах. Карл Иванович повернулся обратно, но мычание раздалось слева, потом справа. Несчастный немец совершенно растерялся и бестолково бегал по классу в поисках виновных. Наконец, устав, он вернулся на свое место и заявил Прокофьеву, что ставит ему единицу.

Прокофьев вступил в пререкания:

– Чем же я виноват, Карл Иванович? Гуревич начал мычать, а я должен за это получить единицу?

– А вы уверены, что это Гуревич? – переспросил учитель.

– Вы же сами направились в его сторону, – ответил Прокофьев. – Гуревич! Я не ожидал этого от вас, примерного ученика! – обратился обалдевший Карл Иванович к Науму.

Семенов встал и крикнул:

– Прокофьев врет!

– Да, но тогда вы, Семенов, начали?! – гневно спросил Карл Иванович.

Наступило молчание. Немец был взбешен. Он мог бы несправедливо придаться к Семенову. Гуревич поднялся и, обернувшись к Станкевичу, громко заявил:

– Вот кто начал!

Трудно сказать, чем бы это кончилось и как бы поступил Карл Иванович, но тут раздался звонок, гимназисты толпой повалили из класса в коридор.

Карл Иванович что-то записал в свою памятную книжечку и, взяв подмышку классный журнал, весь красный как рак вышел из класса.

Станкевич и Прокофьев подошли к Гуревичу и Семенову.

– Фискалы! Мы вам покажем, как кляузничать! Только кончатся уроки, будет вам баня!

– Ты подлец и погромщик, как и твой отец! – сказал Гуревич Прокофьеву. – Что ты придираешься ко мне? Зачем издеваешься надо мной, клеветешь? Что я сделал тебе плохого?

– Молчи, ерусалимская сволочь! – прохрипел Прокофьев и замахнулся, но Семенов крепким толчком сшиб его с ног; Станкевич ударил Семенова в лицо, Гуревич вцепился в Станкевича, и началась свалка. Прокофьев, выскочив в коридор, крикнул:

– Шалыгин, сюда! Наших бьют!

Шалыгин, сын городского старосты, бесшабашный гимназист, учился плохо и в каждом классе сидел по два года. С разбега он бросился на Семенова и ударил его ногою в живот. Семенов охнул и, схватившись за низ живота, упал. Несчастный Гуревич очутился беззащитным, его начали избивать.

Громкие крики дерущихся привлекли в класс учеников и надзирателя Дорменева. Когда отняли Гуревича, он был весь в синяках. Семенов, с трудом поднявшись, опустился на парту.

– Господа! Что вы наделали? – с тревогой обратился надзиратель к гимназистам.

– Пусть не фискалят! Гуревич первый начал, – крикнул Прокофьев.

Вошел инспектор Штольц, строгий и сухой немец. Серые глаза навывкате, подтянутый, с гладкой, прилизанной прической, с пробором посередине, с холеными руками и длинными отполированными ногтями на мизинцах.

– Вы, господин надзиратель, плохо выполняете свои обязанности, потакаете хулиганам! Не позволю! – металлическим голосом крикнул он на весь класс.

– Семенов и Гуревич! Марш по домам!

– Станкевич, Прокофьев и Шалыгин – ко мне в кабинет, – и, круто повернувшись, он вышел.

– Ах, господа, господа! – говорил растерянный и перепуганный надзиратель. Был он уже пожилым человеком, имел большую семью. Низкий ростом, с ожирелым животом, мягкими и добродушными чертами лица, был он безропотным служакой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.